

АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ



ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА



СЛЕЗА

СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ

Алёна Белозерская
Слеза святой Женевьевы
Серия «Опасные связи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080422

Слеза святой Женевьевы / Алёна Белозерская: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80450-4

Аннотация

Новый заказ, который получила Полина Матуа, не был ни простым, ни сложным. Он казался невыполнимым, ведь невозможно найти то, что давно исчезло! Однако клиент не хотел ничего слушать, он страстно желал получить кольцо «Слеза Женевьевы». Из-за этого украшения будущее Полины оказалось под угрозой – если она не найдет кольцо, заказчик уничтожит ее фирму! Как вскоре выяснилось, такой же заказ получил ее брат... Полина поняла – ими играют. Но кто режиссер и почему именно они стали главными героями этой опасной пьесы? Остается одно – принять правила и спасти себя... С помощью Конрада Вальдау, сотрудника немецкого филиала компании, Полине удалось выйти на след кольца. Она никогда не заводила романов на работе, но ради этого импозантного красавца готова была забыть обо всех принципах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	56
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алена Белозерская

Слеза святой Женевьевы

© Белозерская А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*** * ***

Глава 1

– Хочу тебя похвалить, – Майкл отложил отчет о деятельности компании, подошел к сестре и обнял ее за плечи, – но боюсь сглазить.

Полина отодвинулась и посмотрела Майклу в глаза. Было приятно, что брат оценил ее труды, но скупая, лишенная мягкости и участия манера, в которой он высказал одобрение, заставила напряженно улыбнуться.

– Боишься сглазить? – спросила она. – С каких пор ты стал суеверным?

– Майкл, если ты вдруг рассыпешь соль, как поступишь? – вступил в разговор Алекс. – Крестик нарисуешь? Или перекинешь щепотку за правое плечо со словами «куда соль, туда и ссоры»?

– В этом случае нужно пересыпать соль сахаром, – Полина не дала Майклу ответить. – Или щелкнуть себя по носу, чтобы не повздорить с кем-нибудь. Я всегда так делаю.

– А я наливаю стопочку текилы, – рассмеялся Алекс, вальяжно развалившись на диване, – слизываю соль, выпиваю и закусываю лаймом.

– Слизываешь соль со стола?

– Все зависит от того, где рассыпалась соль. Иногда она рассыпается в нужном месте, например...

– Достаточно! – Майкл повысил голос, прервав эти неле-

ные рассуждения. – Не хочу слушать, как ты облизываешь чью-то грудь. Избавь меня от подробностей своей безудержной личной жизни.

Алекс нарочито покорно склонил голову перед братом, после повернулся к Полине и весело подмигнул ей.

– Хорошо, что ты вернулась. Без тебя здесь невероятно скучно. Майкл такой сухарь, абсолютно не понимает шуток.

– Твои шутки всегда граничат с пошлостью, – ответил Майкл, при этом раздраженно сверкнул глазами.

– Но я хотя бы...

– Как же мне вас не хватало! – воскликнула Полина, перебив брата, который уже нацепил воинственную маску на лицо и приготовился к долгому обмену язвительными замечаниями. – Обожаю ваши пикировки. Никогда не знаешь, кто выйдет из них победителем.

– Ты сейчас на чьей стороне? – Алекс мгновенно забыл о Майкле и переключил внимание на сестру.

– Предпочитаю соблюдать нейтралитет. Это безопаснее всего.

– Трусливый заяц, – хмыкнул Алекс и поднялся с дивана. – Я был уверен, ты поддержишь меня, а не этого хорька.

– Хорек все слышит и начинает злиться, – сказал Майкл. – Не возмущайся напрасно. То, что Полина любит меня больше, ни для кого не является секретом.

– Тогда почему она все свои тайны доверяет мне? – Алекс свысока осмотрел хрупкую фигуру брата, вытянулся и рас-

прямил плечи, демонстрируя физическое превосходство. – Заметь, тебе она ничего не рассказывает, а все потому, что боится нравоучений и осуждения. Любовью здесь не пахнет, зато несет страхом.

Полина удручающе покачала головой, расстроенная беседой, которая приняла неожиданный оборот, грозя превратиться в очередную неллицеприятную сцену между братьями, сопровождающуюся едкими высказываниями, но вдруг рассмеялась.

– Все понятно, – сказала она, хлопнув в ладоши, прекращая эту слишком показную, по ее мнению, ссору. – Я не собираюсь принимать чью-либо сторону. Для меня вы находитесь в одинаковых позициях, и я люблю вас одинаково сильно. К тому же я вас хорошо знаю и вижу, что вы очень плохие актеры. Зачем этот фарс?

– Какой фарс? – Майкл непонимающе округлил глаза, став похожим на школьника, которого случайно уличили в обмане.

– На что спорили, подлецы?

– На бутылку виски из коллекции Майкла, – виновато прищурился Алекс. – Только спор заключался не в том, кого из нас ты любишь больше.

– В чем же? – уже с любопытством спросила Полина, заметив, что взгляд Майкла значительно потеплел, но вместе с тем остался вдумчиво-строгим, будто он готовился сказать нечто важное, способное обидеть или по меньшей мере рас-

строить.

– Проверяли твое самообладание, – он обнял сестру за плечи, крепко прижав к груди. – Ты изменилась, родная. Я больше не узнаю в тебе свою эмоциональную сестру, и это меня пугает. Мне нравится, что ты много работаешь, но я не вижу радости на твоём лице. Та энергичная Полина, которая полгода назад уехала в Москву, исчезла. Вместе с ней ушли лёгкость, живость. Её глаза перестали блестеть, и это расстраивает больше всего. Теперь я вижу перед собой слишком спокойную женщину, абсолютно равнодушную к происходящему. Ты похожа на робота, все делаешь правильно, но автоматически, без интереса.

– В общем, мадам Матуа, ты превратилась в соплю! – резюмировал Алекс.

– Ребята, вам не угодить, – рассмеялась Полина, неожиданно обрадованная тем, что братья проявляют беспокойство о ней, пусть и в такой странной форме, сначала вызывая на конфликт, а потом неловко извиняясь. – Когда я фонтанировала энергией и делала глупости, вы возмущались. Но стоило мне привести мысли в порядок и наконец понять, что именно я желаю от жизни, вы снова недовольны.

– И чего же ты желаешь? – спросил Майкл.

– Равновесия, – не задумываясь, ответила Полина. – Мне нравится контролировать происходящее, а это возможно лишь пребывая в спокойном состоянии духа.

– Поэтому ты полностью отказалась от личной жизни

и все время проводишь в офисе? – спросил Алекс и, не дожидаясь ответа, пробурчал: – Осталось только в секту записаться, и тогда мы действительно тебя потеряем.

В кабинете воцарилось напряженное молчание, которое никто из присутствующих не желал нарушить. Полина размышляла о том, что слова братьев не далеки от истины. В последние месяцы ее жизнь стала слишком пресной и однообразной. Никаких развлечений, ярких эмоций, сплошная работа, но хотя бы она приносила ей удовольствие. Более того, Полина, как никогда, была увлечена своей деятельностью, и это отразилось на производительности всего восточного сектора. В мечтах она уже представляла, что московский офис станет самым важным звеном компании, принадлежащей братьям, подсчитывала прибыль от многочисленных заказов и с достоинством принимала похвалу. При этом Полина понимала, что ее неистовая работоспособность является лишь способом отвлечься от тоски, съедавшей душу. Она все еще не могла прийти в себя после предательства человека, который, как казалось, мог сделать счастливыми их обоих¹. Илья Волошин – призрак из прошлого. До сих пор было трудно произносить его имя даже в мыслях. Но еще больнее было вспоминать разговоры с ним, его улыбку и тот момент, когда он держал пистолет у ее виска. Полина с грустью думала о мечтах, в которых он и она были семьей, и го-

¹ Подробно об этом читайте в романе А. Винтер «Желание женщины закон, или Из пропасти в бездну», издательство «Эксмо».

това была плакать каждый раз, когда возвращалась мыслями к своей сестре, погибшей из-за Ильи. Когда-то в юности Полину и Илью сжигала страсть, но все закончилось, едва они повзрослели. Каждый пошел своей дорогой: Полина уехала к братьям в Лондон, где встретила своего первого мужа, а Илья... жизнь его, как оказалось, была слишком сложной и непредсказуемой, именно она и превратила его в опасное чудовище, которое виртуозно скрывало свою истинную сущность под очаровательной маской человеколюбия. Много лет спустя, когда Полина вернулась в Москву, чтобы возглавить северный сектор компании, пути их снова пересеклись, однако она не предполагала, что встречу запланировал Илья, да и сама ситуация, в которой «увязла» Полина, была делом его рук. Сначала Волошин соблазнил младшую сестру Полины, после поставил ее в сложное финансовое положение, грозящее потерей компании, которой руководила Катя. Он убедил Катю избавиться от мужа, чтобы получить его деньги, и безжалостно отделался от навязчивой любовницы, в которой уже не было необходимости. Причем все «обставил» так, будто Полина имела отношение к убийству сестры. Сама же Полина долго не предполагала, кто на самом деле является ее врагом. Она верила Волошину, потому что он обещал помочь найти выход из этого отчаянного положения, к тому же старые чувства неожиданно вспыхнули с новой силой, закрыли глаза, не давая возможности увидеть очевидное. Она думала, что наконец нашла того единственно-

го, который делает ее счастливой. Надежды не оправдались, их горький осадок и теперь, спустя много месяцев, ощущался на губах. Илья не любил никого и ничего, кроме денег. Только они были смыслом его жизни, чувства не имели значения, люди, ставшие преградой на пути к богатству, с легкостью уничтожались. Без сожалений Волошин разрушил планы Полины на будущее, а его жестокость и вероломство заставили ее настороженно относиться ко всем мужчинам, находящимся в радиусе ста метров.

– Я больше не хочу ошибаться в людях, которых впускаю в свою жизнь, – сказала Полина.

– Но это не значит, что ты должна отказаться от самой жизни, – заметил Майкл. – Ошибайся, но не сдавайся.

– Слоган из рекламы? – улыбнулся Алекс, отодвинул брата в сторону и приблизился к Полине. – Не слушай его, он не умеет давать советы.

– Мне не нужны наставления, – покачала головой Полина. – И не обольщайся, ты – не менее отвратительный советчик. Твои рекомендации и пожелания часто выходят боком. Но, впрочем, разговор не об этом. Я благодарна за ваше участие, и мне приятно, что вы беспокоитесь обо мне.

– Ты у нас одна осталась, – Майкл поцеловал ее в висок, и Полина удивилась, так как подобной нежности не ожидала от своего всегда скупого на проявления чувств старшего брата.

– Одна?

– Родители и все остальные – не в счет, – ответил Алекс, обхватив брата и сестру за плечи. – Мы всегда были и останемся друг для друга самыми близкими.

– А как же жена Майкла? – не унималась Полина, но была несказанно обрадована этой исполненной любви сцене. – Сын Майкла? Моника – ваша сводная сестра?

– Уймись, – Майкл в раздражении повел плечами. – Алекс прав. Ближе вас у меня нет никого. Я люблю Нелли и Сэма, всех остальных тоже, но вы – самые дорогие.

Полина пораженно посмотрела на брата, взгляд которого был колючим, оттого что он говорил слова, которые ранее никогда не слетали с его губ. Майкл еще ни разу не признавался в любви столь безапелляционно. Было видно, что он испытывает неловкость, отчего плечи опустились и ссутулились, кончики ушей побелели, а губы растянулись в напряженной улыбке. В лице Майкла читалась досада и одновременно облегчение. Такое случается, когда говоришь о самом сокровенном и ждешь, что тебе ответят искренностью и пониманием.

– Хочется заплакать от умиления. Нет, я уже плачу, – прошептал Алекс, шмыгнув носом, заставив Полину и Майкла рассмеяться.

– Паяц! – воскликнула Полина. – Все испортил!

– Уезжай в Москву, – вдруг сказал Алекс, подхватил сестру в объятия и приподнял в воздухе. – Твое присутствие в Лондоне делает нас слабыми. Еще пять минут назад я ду-

мал, что в нашей компании сопля только ты, но оказалось, что Майкл присвоил этот титул себе. Господи! Может, тебе платок дать? – Он с издевкой посмотрел на старшего брата.

– Рукавом воспользуюсь, – ответил Майкл. – Шампанское?

– Мир сошел с ума, – Алекс поставил Полину на пол. – Трезвенник предлагает алкоголь. Ты же не пьешь!

– А еще не обижаю убогих, – Майкл пожал плечами и направился к бару, где хранились напитки для особо важных клиентов. – Если есть хороший повод выпить, глупо им не воспользоваться.

– Что за повод? – спросила Полина, наблюдая, как он наполняет бокалы шампанским.

– Во-первых, хочу отметить твой профессионализм, – сказал Майкл. – Ты хорошо постаралась, дорогая. Твой сектор стал приносить приличный доход, в чем полностью твоя заслуга.

Полина почувствовала, как от смущения зарделись щеки, и прикусила губу.

– Премируешь?

– Разумеется, – утвердительно кивнул Майкл. – Ты заслужила награду. А во-вторых, отметим твой отпуск.

– Снова решаете, как мне поступать, и даже не ставите в известность? Я не хочу в отпуск.

– Придется, – усмехнулся Алекс. – Ты выглядишь усталой. Отдых тебе не помешает, – он придирчиво осмотрел тонкую

фигуру сестры и ее осунувшееся от напряженной работы лицо. – Щеки ввалились, взгляд потух. Ты худая, как щепка, и абсолютно непривлекательная.

– Спасибо, – обиделась Полина и нервно провела по бедрам руками, словно стеснялась их чрезмерной стройности. – Я нравлюсь себе.

– Но ты не нравишься мне, – Алекс надменно приподнял бровь, намереваясь продолжить комментировать внешний вид сестры, но был остановлен властным взглядом Майкла.

– Не увлекайся. Сам не раз говорил, что с Полиной нужно вести себя мягче и терпимее. Лаской от нее можно добиться большего, чем бесполезными нравоучениями. Поезжай на море, дорогая. Корсика, Крит... куда угодно, только к морю. Оно приведет в чувства и напитает энергией.

– В сентябре? – упрямо отказывалась от предложения отдохнуть Полина. – В разгар работы? Сейчас наступают самые «хлебные» месяцы. Ты же знаешь, что до февраля... ладно, – вздохнула она, понимая, что с братьями спорить бесполезно. – Уступаю. Но у меня уже запланировано несколько встреч на ближайшую неделю. В общем, разберусь с делами, положу в чемодан купальник и шляпу и уеду в Доминикану.

– Лучше на Корсику, – улыбнулся Майкл. – Ближе к нам. Кроме того, море там не менее теплое, плюс красота и уединение.

– Ей не уединение нужно, а жаркий... – Алекс замолчал на мгновение. – Действительно, на Корсике очень красиво.

Но, к несчастью, пусто. Во всех смыслах этого слова.

– Меня устраивает, – Полина подняла бокал. – За отпуск! И за вас, наглых и назойливых, словно мухи! Да, кто отвезет меня в аэропорт?

– Майкл, – Алекс указал подбородком на брата. – Я занят вечером. У меня в отличие от вас насыщенная сексуальная жизнь.

– Сочувствую, – расстроено закивал головой Майкл. – Количество, дорогой, всегда враг качества.

– Не завидуй, – Алекс обнял Полину за плечи. – Приле-тишь – позвони.

– Ты в этот момент будешь занят, – напомнила она.

– Для тебя я всегда свободен.

– Сомневаюсь, что могу составить конкуренцию текиле и сиськам третьего размера.

Полина взъерошила тщательно уложенные волосы брата. Он недовольно дернулся в сторону.

– Сегодня я сплю с моделью, а у них, как тебе известно, сисек нет. Поэтому мне не составит труда отвлечься от интимного процесса и ответить на звонок.

– Иногда мне кажется, что у нас разные родители, – Майкл с разочарованием посмотрел на Алекса, который подошел к зеркалу, вытащил из кармана пиджака расческу и принялся поправлять шевелюру. – Кто занимался твоим воспитанием, пижон?



В самолете Полина пожалела о том, что дала обещание взять отпуск. Она не испытывала в нем необходимости, так как прекрасно провела в Лондоне последнюю неделю, при этом ощущала себя отдохнувшей и полной сил. Рабочие моменты отняли немного времени, и Полина долгие шесть дней только и делала, что встречалась с родственниками и приятелями, ходила по магазинам, кафе или просто прогуливалась по городу, по которому успела соскучиться. Дважды за это время ее приглашали на ужин отец братьев и их мачеха. В компании обходительного Марка и его жены Ребекки, отличающейся прекрасным чувством юмора, Полина ощущала себя желанным гостем. Правда, при этом она неизменно грустила, вспоминая своих родителей, с которыми у нее не складывались отношения. После смерти младшей сестры они виделись очень редко. Точнее, за последние четыре месяца встречались лишь дважды, и всегда разговоры с отцом оставляли тягостный осадок в душе Полины, будто она виновата в том, что произошло с Катей. Стараясь избежать отчаяния, которое засасывало после встреч с родителями, Полина отказывалась видеться с ними, прикрываясь работой в компании или другими не менее важными делами. Отец недовольно ворчал, выслушивая отговорки в трубку, горестно вздыхал, но не настаивал, понимая, что восста-

новить отношения с дочерью, которую много лет отталкивал от себя, будет непросто.

И все же Полина не лгала, когда ссылалась на количество дел в «VIP-life concierge». Заказов было множество, точнее, столько, что времени на отдых почти не оставалось. К счастью, желания клиентов в этот период не отличались вычурностью, наоборот, были спокойными и очень приземленными. Всем хотелось уехать подальше из душной летней Москвы, поэтому Полина только и делала, что устраивала VIP-путешествия к экзотическим берегам, где прозрачный океан омывал серебристый песок, рекой лился ром, и маракасы отбивали страстный ритм. Порой Полина сетовала, что «VIP-life concierge» теряет шик и эксклюзивность, превращаясь в туристическое агентство, но втайне радовалась, так как не приходилось ломать голову, претворяя в жизнь какое-либо «заоблачное» желание клиента. Правда, в конце лета случился один заказ, над которым весь офис хохотал до слез.

Один из клиентов компании, обладающий весьма непристойной фантазией, обратился к Полине с необычной просьбой. Молодой повеса, который, по всей видимости, никогда в жизни не слышал слов «нет» или «это невозможно», будничным тоном сообщил, что намерен подарить своему другу огромного попугая. Весь юмор заключался в том, что попугай непременно должен был владеть большим словарным запасом великого русского мата. Тупоголовый, но богатенький красавец искренне считал, что друг несказанно обрадуется,

когда птица поздравит его с днем рождения громким словом на букву «х». Попугая после продолжительных поисков обнаружили на одном из круизных лайнеров, который совершал рейсы по Средиземному морю. Это была огромная серая птица по прозвищу «Степаныч», живущая в машинном отделении в окружении интернациональной команды и ругающаяся на пяти европейских языках. Команда долго не желала расставаться со своим веселым любимцем, но щедрое вознаграждение и новый юный «товарищ из Южной Америки», еще не умеющий разговаривать, позволили Полине заполучить хмурого на вид и хамоватого на язык «Степаныча».

Первое, что сделала птица, оказавшись в офисе, вежливо поздоровалась с Зиной:

– Привет, бл...

Лучшая подруга Полины онемела от этой фразы, в гневе посмотрела на попугая и спросила:

– Ты это мне, урод ощипанный?!

– Зина, – рассмеялась Полина, – нашла с кем ругаться.

– Так обзывается же! Когда его заберут?

– Через час.

– Если задержится здесь дольше, я из него суп сварю, – пообещала Зина, щелкнув пальцами по горбатому клюву попугая.

– Ах ты...

– Закрой рот! Или чем ты там говоришь!

Менее чем за час «Степаныч» заставил весь персонал кор-

читься в приступе истерического хохота, в особенности когда самостоятельно открыл клетку и отправился на прогулку по офису, выражая восхищение скабрёзностями, которые выдавал из себя со скоростью пулемета. Клиент остался доволен матерщинником и даже не обратил внимания на сумму, выставленную ему Полиной. Цена за услугу была немаленькой, но Полина решила, что она вполне соответствует тому бедламу, который «Степаныч» устроил в офисе. Вонь, головная боль, тысячи новых анекдотов о говорящих птицах, которые сотрудники громко рассказывали друг другу, сорванный рабочий график из-за того, что все долго не могли успокоиться и влиться в привычное русло, – таким было последствие пребывания в кабинете босса смерча под названием «Степаныч». Сейчас, спустя месяц, Полина с улыбкой вспоминала серые крылья этой огромной птицы и ее грустные глаза, но тогда попугаю хотелось свернуть шею, лишь бы не слышать матерных песен, которые он залихватски исполнял хриплым, полным достоинства басом.

По дороге из аэропорта, наблюдая, как быстро исчезают за окнами машины, дома и пешеходы, Полина думала о том, что время так же стремительно бежит вперед. Полгода назад она прилетела в Москву, чтобы принять управление восточным сектором, рассчитывая остаться в городе лишь на пару месяцев, а после снова вернуться в любимый Лондон. Все сложилось не так, как она того хотела. Впрочем, никто не предполагал, чем обернется ее переезд в Москву. Раз-

ве она могла знать, что окажется втянутой в опасную игру Ильи, главной целью которой было обогащение? Что погибнет ее младшая сестра, а сама Полина будет долго восстанавливаться от последствий своего ошибочного выбора? До сих пор было горько вспоминать, как Илья бесстрастно использовал ее, а она с прямодушной радостью открыла сердце, даже не предполагая, каким жестоким окажется конец их любовной истории.

Единственным плюсом того ужаса и предательства, через которые Полине пришлось пройти, стало знакомство с прекрасным человеком, плавно перешедшее в дружбу. Филипп Литвин, пожалуй, был единственным мужчиной, не считая братьев, которому она абсолютно доверяла. Сначала Полина видела в Филиппе лишь доброго и веселого человека, проникшегося к ней симпатией. Позже эта нежная привязанность переросла в нечто большее, однако сама Полина долго не могла понять, какие именно чувства испытывает к Литвину. В том, что он вызывал в ней интерес, она не сомневалась. Только было ли это сугубо дружеское влечение или же в ее душе начало зарождаться чувство, которого она опасалась, Полина пока не разобралась. Вернее, не хотела разбираться, ведь для этого нужно было забраться в глубины своей души, чего Полина откровенно боялась. Она не желала думать, что снова попала в ловушку необдуманного выбора и полюбила мужчину, который всегда будет принадлежать другой женщине. Литвин был женат, и хотя его брак, по всей види-

мости, не приносил особой радости, с женой не намеривался расставаться. Он вообще никогда не обсуждал свои отношения с супругой, но по его поведению было видно, что он не стремится возвращаться в объятия любимой женушки. Напротив, Литвин старался проводить все свое свободное время вместе с Полиной. Часто на встречи он приходил с дочерью Ниной, восхитительной девятилетней болтушкой. Нина терпеть не могла мачеху, но с Полиной быстро нашла общий язык, а однажды, когда не слышал отец, прошептала, что хотела бы иметь такую маму. Услышав эти тихие волнующие искренние слова, Полина едва не расплакалась, но тут же взяла себя в руки, ласково заметив, что готова стать для Нины хорошей подружкой, так как роль мамы уже занята.

– Яна – не мама, – сказала девочка. – Она меня не любит.

– Тебе кажется. Она к тебе хорошо относится.

– Нет, – послышался ответ. – Я не маленькая и все вижу.

Ты меня любишь, а Яна не выносит.

Тот разговор остался горестным осадком в памяти Полины. Наибольшую же грусть вызывала безнадежность во взгляде Нины, нуждающейся в материнской любви, и ее полный печали голос. Захотелось спросить, почему мама девочки не рядом с ней. Кто она и где? Но Полина не решилась, понимая, что этим разговором лишь навредит ребенку, в очередной раз всколыхнув в сердце тоску по любимому человеку. Подобные вопросы следует задавать отцу Нины, однако он, была уверена Полина, не станет рассказывать о тай-

нах своего прошлого. Несмотря на кажущуюся открытость, Филипп Литвин был замкнутым человеком. Да, он красиво улыбался и мастерски выпытывал у Полины подробности ее жизни, но о себе ничего не рассказывал. Зато о Полине знал, казалось, все. Она с наивной доверчивостью в мельчайших подробностях описала Литвину свое детство и юность, объяснила, почему много лет назад покинула Москву и уехала к братьям в Лондон, не утаила правды о своих неудавшихся браках и других отношениях, оставивших след в душе. Порой Полина спрашивала себя, для чего исповедуется перед этим малознакомым человеком, какой интерес он преследует, общаясь с ней, и, главное, что за выгоду получает она, находясь в его обществе? Ответ на эти вопросы был один – неизвестно. Она понятия не имела, отчего с легкостью снимает перед Литвиным все свои маски, с помощью которых скрывалась от окружающих, и также не осознавала, зачем он заставляет ее открываться перед ним.

– Вы влюблены друг в друга, – деловито прокомментировала эту ситуацию Зина. – Просто еще не догадываетесь о чувствах, которые испытываете. Хотя лично мне непонятно, как можно не осознавать, что ты влюблен. Ты о нем думаешь? Мечтаешь о нем?

– И что из этого следует?

– Если в своей голове ты переспала с мужиком, значит, как минимум он тебе нравится, – со смехом произнесла Зина, наблюдая за реакцией Полины, которая последовала

незамедлительно.

– Кто сказал о том, что я думаю о сексе с ним?! – повысила она голос, понимая, что в эту минуту размышляет именно о том, о чем спрашивает.

– Ты слишком долго пренебрегаешь потребностями своего тела. Отшельничество и воздержание, дорогая, приводят только к одному – к жажде. От этого крышу сносит.

– Видимо, знаешь, о чем говоришь, – пробормотала Полина, недовольная тем, что Зина с легкостью прочла ее внутреннее волнение, без труда интерпретировав его абсолютно верно. – Сама давно мужчину пробовала?

– Давно... – протянула Зина, мечтательно закатив глаза. – А-а, черт! С ними иногда не сладко, а без них и того хуже. Но не обо мне говорим. Ты все же присмотришь к Литвину, не отталкивай его, – рекомендовала она покровительственным тоном. – Интересный тип.

– Бесцветная поганка, злобная, пугающая. Так ты его характеризовала в недавнем прошлом. А сейчас советуешь сблизиться с ним?

– Я ошиблась. Но и ты не раз ошибалась в тех, кто находился рядом с тобой. Не злись, понимаю, это неприятно слушать, и все же... Филипп – наиболее подходящая для тебя пара. Взрослый, расчетливый, уравновешенный...

– Женатый, – добавила Полина, обиженно поведя плечами.

Зина выпрямилась, как фонарный столб, став выше Поли-

ны почти на голову, и непонимающе уставилась на подружку.

– Ты внимательно слушаешь? Я только что говорила: все мы ошибаемся. Вот и Литвин ошибся, надел кольцо не на тот палец и не на ту женщину.

Полина рассмеялась.

– Спасибо, мой дорогой психоаналитик.

– Похоже, ты ничего не поняла? Наверное, я плохо объясняла.

– Отнюдь, – покачала головой Полина. – Ты прекрасно справилась с задачей. Мне действительно нравится Филипп, но я не намерена рушить его семью.

– Как можно разрушить то, что уже давно...

– Не бери на себя слишком многое. Ты, как и я, ничего не знаешь о его браке. Только делаешь выводы из моих рассказов, а они слишком зыбки и туманны.

– Если бы ты нас познакомила, мне не пришлось бы самой придумывать мотивы его поведения. Я уверена, что ты небезразлична Литвину. Стал бы он так часто встречаться с женщиной, на которую не хочется смотреть. Да и что вас связывает? Бизнес? – Зина быстро задавала вопросы и сама на них отвечала: – Нет! Только симпатия. Поэтому, Поля, я готова спорить на годовую зарплату, что Литвин планирует затащить тебя в койку, но, как сопливый школьник, не решается сделать это.

Может, слишком хорошо воспитан? Или же у него проблемы по мужской части?

– Зина! – в сердцах воскликнула Полина, не зная, смеяться ей над словами подруги или же злиться. – Прекрати! Мне не нравится то, о чем ты говоришь. Но, признаюсь, будет обидно, если Литвин потерян для общества как мужчина.

– Кому обидно? – уточнила Зина. – Тебе или его жене?

Этот разговор состоялся чуть больше трех недель назад, но Полина почему-то вспомнила о нем, возвращаясь из аэропорта к себе домой. В который раз квартира встретит безмолвием и пустотой. От мысли о том, что ее никто не ждет, стало нестерпимо тяжело на душе. Полина глубоко вздохнула и посмотрела в окно машины, быстро идущей в потоке транспорта. Стремительная смена городских пейзажей снова напомнила о незаметно убегавшем времени, она покачала головой, удрученно уставившись перед собой, и решила отменить заранее намеченные планы. Видеть никого не хотелось, даже Зину, которая непременно развеселила бы ее. Уже поднявшись в апартаменты, Полина позвонила подруге и отказалась от встречи, которую они запланировали еще до поездки в Лондон. Зина не удивилась подобному решению и не настаивала, догадавшись, что у Полины есть особые причины требовать одиночества.

– Будешь думать о жизни? Что ж, удачи! Если твое сознание вдруг озарится и ты придумаешь что-нибудь полезное, жду совета, потому что я в своем болоте окончательно начала тонуть. До завтра?

– До завтра, – попрощалась Полина, присев на мягкий пуф у стены в коридоре.

Тусклым взглядом она обвела темную негостеприимную гостиную и вдруг заплакала. Сначала тихо, едва слышно всхлипывая, затем, уже не стесняясь эмоций, громко и судорожно. Было невыносимо жалко себя, и никто не был способен ее утешить. Только время могло помочь, но оно никак не хотело сжалиться и смягчить вкус предательства и боли, который все еще ощущался на губах и в сердце.

* * *

– В женщине должны быть мозги, а не непонятные изюминки и загадки!

Полина вышла из лифта и замедлила шаги, удивленная горячей дискуссией, устроенной сотрудниками по поводу того, какой именно должна быть настоящая женщина. Обсуждением руководила Зина, следовательно, перевес был на ее стороне. Она и слова не давала кому-либо вставить в свой жаркий монолог, описывая «супердевицу». Лишь изредка раздавались робкие слова несогласия, но они быстро терялись под напором Зины, не допускающей инакомыслия в коллективе, который считала своей паствой. «Младшие боги», так она называла подчиненных, тихо внимали и обреченно переглядывались между собой.

– Самое главное – ум! Красота – ничто в сравнении с ин-

теллектом.

– Зинуля, – вступила в разговор Полина, – спят не с интеллектом.

– Вот именно! – обрадовался Вася Еж, бросился к Полине и схватил ее за руки. – Рад вашему возвращению, Полина Сергеевна. Мы скучали без вас. Зина – чудовищный тиран, – едва слышно добавил он, дико вращая глазами. – Больше не покидайте нас.

– Иначе вы ее убьете? – улыбаясь, спросила Полина, незаметно пробежав взглядом по изящной фигуре фотографа, обтянутой тонкими джинсами и светлой модного покроя рубашкой.

– Скорее она нас. Некоторым людям лучше не давать власть в руки: они начинают вести себя неадекватно. В общем, за ваше отсутствие Зина успела примерить десяток ролей. Она была и Гитлером, и Сталиным...

– И Мао Цзэдуном, – добавила Зина, с удовольствием наблюдая, как щеки Васи стали пунцовыми от смущения. – Успел пожаловаться, полуметросексуал? Теперь беги работать, – она похлопала в ладоши перед нежным лицом Ежа, заставляя того удалиться, потом повернулась к Полине и загребла в объятия. – Привет, – радостно прошептала она. – Как хорошо, что ты вернулась.

– Я тоже рада, – Полина с улыбкой осмотрела большую, крепко сбитую фигуру Зины Михайловой. – Издевалась над несчастными? Напрасно. Вы же в разных весовых кате-

горях.

– Обижает! – Зелено-карие глаза сузились в щелочки. – Они получали на орехи только тогда, когда работать не желали. Зато за время твоего отсутствия мы сделали такой план, что удивишься.

– Молодцы, – Полина направилась в свой кабинет. – Что у меня сегодня?

– В десять – завтрак с Литвиным. В час дня – встреча с Мироновым. Он уже звонил, спрашивал, вернулась ли ты и состоится ли ваш обед.

– Набери ему и скажи, что я непременно буду, – Полина задумчиво остановилась у стола. – Черт! Не люблю я эти экстренные встречи! Они всегда приносят хлопоты.

– В четыре ты должна встретиться с родителями, – Зина смягчила голос, зная, что Полина не обрадуется ее словам.

– Кто сказал? Мы не договаривались...

– Я уже трижды переносила ваши встречи. Больше не стану. Сама говори своей матери, что не желаешь ее видеть. И не впутывай меня в ваши семейные разборки.

– Пусть будет по-твоему, – кивнула Полина. – Встречусь с ними.

– Не делай одолжение! Поля, реши вопрос с родителями, не тяни. Не стоит обманывать их ожидания, касающиеся того, что ты заменишь им Катерину. Скажи правду.

– Уже говорила, причем не раз.

– Значит, плохо говорила, если они тебя не поняли. Гово-

рить нужно так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в твоих словах. Ясно?

– Вполне, – Полина села в кресло и постучала ручкой по столу, показывая, что ей надоели разговоры о личном. – Еще что-нибудь?

– В восемь тебя ждет Юлиан Воскресов, вот в этом клубе, – Зина протянула Полине черную карточку.

– Юлик «Крейсер»? Странно... Он никогда не нуждался в услугах нашей компании.

– Почему не нуждался? – От любопытства щеки Зины покраснели, а глаза загорелись, словно ей должны были открыть многовековую тайну. – И почему он «Крейсер»?

– Крейсер, потому что слишком настойчивый. Его так в университете прозвали за непримиримый характер. А не испытывает потребности в наших услугах потому, что на него давно работает целая команда профессионалов, удовлетворяющих любое его желание. Деятельность «VIP-life concierge» для таких, как Юлик и его отец, слишком мелкая и не соответствует их рангу. Иными словами, крестьянская. Помню, как его папаша однажды, презрительно посмотрев на меня, сказал, что не нуждается в посредниках и берет все понравившееся ему напрямую. В том числе, если пожелает, возьмет и меня.

– А ты что ответила?

– Ничего, – задумчиво произнесла Полина. – Таким людям не хамят. Лишь соглашаются с их словами и молча смот-

рят в пол. Интересно, что Юлику понадобилось от меня?

– Жаль, что я не могу поехать с тобой, – поцокала языком Зина. – Хотела бы я посмотреть в лицо этому королю Москвы.

– Зато у тебя есть шанс посмотреть в лицо Литвину. Ты ведь давно просила вас познакомиться, – Полина поднялась и посмотрела на часы. – Поторопись, иначе опоздаем.

– Меня не приглашали на завтрак, – начала сопротивляться Зина, но по выражению глаз было видно, что она скоро сдаст свои позиции. – Ладно, я согласна. Наконец-то у меня появилась возможность просканировать этого непонятного типажа.

– Не обольщайся. Ничего нового ты о нем не узнаешь.

– Там и посмотрим, – поставила точку Зина, направившись в свой кабинет за сумочкой.

В кафе, где должна была состояться встреча с Литвиным, было шумно. Полина поискала его глазами и, заметив, помачала рукой.

– Он что, не один? – Зина вдруг продемонстрировала робость.

– Если Литвин приглашает меня на завтрак, да еще и в выходной день, значит на нем будет присутствовать Нина, его дочь. Возможно, и Сафет – лучший друг.

– И почему у нас нет выходных, как у всех нормальных людей?

– Потому что желания у клиентов, к сожалению, не воз-

никают по графику, только с понедельника по пятницу. Хотя была бы этому рада.

– И я, – сквозь зубы процедила Зина, направляясь за Полиной к столику Литвина, за которым, кроме него самого, сидели улыбчивая светловолосая девочка и хмурый на вид черноглазый мужчина с перебитым носом. – Могла бы предупредить, что здесь намечается семейный банкет.

– Доброе утро! – поздоровалась Полина, погладив по голове Нину, обхватившую ее за талию. – Я не одна, а с подружкой. Надеюсь, вы не против? – Не дожидаясь ответа, она обняла девочку и спросила: – Как ты, солнышко?

– Хорошо, – улыбнулась Нина. – Папа подарил мне собаку. Бабушка злится, но я рада.

– Здравствуйте, Полина, – Литвин с нежностью коснулся ее щеки губами.

Полина на миг замерла, вдохнув запах его туалетной воды, посмотрела ему в глаза и едва не отпрянула, увидев ничем не скрываемое желание во взгляде. Подобного ранее не случилось, Литвин был весьма сдержан в эмоциях, поэтому неприкрытая чувственность слегка озадачила и насторожила.

– Я-я, – начала заикаться Полина, но замолчала, услышав голос Сафета Сушича, который вышел из-за столика и остановился перед Зиной.

Женщина была выше его почти на голову, отчего пара смотрелась комично, но одновременно грозно. Мощный бос-

ниец, профессиональный спортсмен в прошлом, и не менее сильная Зинаида производили странное впечатление, вызывая и смех, и уважение.

– Представьте нас, – потребовал Сафет, не сводя взгляда с молчащей Зиной.

Литвин рассмеялся, впервые увидев друга в подобном состоянии. Сафет вел себя взволнованно и нетерпеливо, что было ему абсолютно несвойственно. Он сверлил заинтересованным взглядом грудь и лицо Зиной, ни на миг не отводя его в сторону, да и Зина неестественно притихла, превратившись в покорную женщину, ожидающую, когда ей разрешат вставить слово.

– Моя подруга – Зина, – сказала Полина и рассмеялась, так как Михайлова быстро поправила ее:

– Зинаида. Зина – только для близких друзей.

Глава 2

На встречу с Мироновым Полина опоздала на двадцать минут, отчего испытывала неловкость. Она всегда требовала от своих сотрудников пунктуальности и обязательности, яростно штрафуя за невыполнение условий делового этикета, но сейчас сама проявила неуважение к человеку, который являлся одним из самых важных клиентов «VIP-life concierge». Быстро взлетев по ступеням ресторана, где должна была состояться встреча, Полина придумала сотни извинений, чтобы оправдать задержку и стереть неприятный осадок, который мог остаться в душе Миронова. Раскрасневшаяся, с виноватым взглядом, она остановилась перед столиком, за которым сидел крупный мужчина, изучающий карту вин, и молитвенно сложила руки перед грудью.

– Константин Витальевич, я опоздала. Простите. Мне нет оправданий.

Миронов поднял голову, круглое лицо его озарила счастливая улыбка, и Полина с облегчением вздохнула, понимая, что он не злится на нее.

– Полечка, дорогая! – пропел Миронов, протянув руку. – Все в порядке. Надеюсь, с тобой ничего не случилось? Ты выглядишь озабоченной.

– Все хорошо, – Полина дотронулась до коротких толстых пальцев. – Просто мне совестно за задержку. Еще раз изви-

ните за опоздание.

– Принимается, – кивнул Миронов.

Полина села напротив, пообещав себе, что подобного с ней больше не повторится. Ей не нравилось ощущать неловкость перед людьми, в особенности перед такими могущественными, как Миронов, который сейчас, к счастью, мило улыбался. Глаза его игриво сияли в мягком свете ламп, щеки лоснились, а грудь тяжело вздымалась, словно ему было тяжело дышать. В зале было жарко, что он прокомментировал, яростно прокляв владельцев, сэкономивших на кондиционерах.

– Один из самых дорогих ресторанов в городе, – недовольно процедил он. – А сервис как в сауне. Больше никогда сюда не приду и друзьям скажу.

«Накрылся ресторан», – подумала Полина, пожалев всех тех, кто здесь работает. Миронов любил, чтобы его обслуживали по-царски. В случае, когда это удавалось, он проявлял небывалую щедрость. Но если его что-то не устраивало, мог с легкостью «утопить» незадачливых владельцев заведений, не сумевших скрасить его досуг. Похоже, сегодняшним рестораторам не повезло, так как «владелец мира» пребывал в явно враждебном расположении духа.

– Прекрасно выглядишь, – Миронов жеманно поджал губы, рассматривая Полину.

Она кокетливо повела плечами, довольная, что тот начал приходить в себя, сменив тему разговора, слегка накло-

нилась вперед, давая возможность лучше рассмотреть свое лицо, и улыбнулась. Миронов всегда успокаивался, глядя на нее, что произошло и в этот раз. Он расслабленно потянулся и позвал официанта.

– Коньяк, – не вдаваясь в подробности, сказал он, и без того предполагая, что ему принесут самый лучший. – Даме – «Martini».

– Вы прекрасно знаете мой вкус, Константин Витальевич, – Полина легко пробежала пальцами по его руке и тут же отстранилась, не желая, чтобы сцена показалась слишком интимной. – А теперь я вас внимательно слушаю.

– Мне нужна твоя помощь, – Миронов с удовольствием отметил, как официант быстро ринулся выполнять заказ. – Ты смотри! Реабилитируются! Сейчас посмотрим, что он мне принесет.

Полина усмехнулась. Миронов являлся известным ценителем коньяка, при этом предпочитал употреблять благородные напитки своего возраста. Будет интересно узнать, имеется ли в ресторане коньяк шестидесятилетней выдержки, если нет, то Миронов окончательно разочаруется в этом заведении. Вернувшийся со скоростью реактивной ракеты официант расставил бокалы перед посетителями и сделал осторожный шаг в сторону, ожидая реакции высокомерного господина. Миронов томно вдохнул аромат, слегка пригубил и посмотрел, как коньяк густыми ручейками стекает по стенке бокала.

– Спасибо, – наконец произнес он, и официант с блаженным лицом удалился. – Неплохо. Очень даже неплохо, – повторил он, назвав марку и приблизительную выдержку коньяка. – Угодили. А тебе, дорогая?

– Константин Витальевич, это же «Martini», – улыбнулась Полина. – Разве он может быть плохим? Но продолжим... Чем я могу вам помочь?

Миронов замялся на миг, потом поставил бокал на стол и со вздохом оперся локтем о спинку кресла.

– Я ищу учителя для своей дочери, – сказал он, бесстрастно наблюдая за выражением лица Полины, которое, к слову, ничуть не изменилось.

Конечно, внутренне Полина удивилась подобной просьбе, так как откровенно не понимала, отчего Миронов обратился с этим простым вопросом именно к ней. Если девочке не даётся учеба, то это легко могут исправить репетиторы. Зачем привлекать к такому простому делу Полину?

– Знаю, о чем ты сейчас думаешь, – продолжил Миронов после некоторой паузы. – Дело не в том, что Ксения плохо учится. Нет, она девочка способная, но ленивая, как ее мать. И такая же пустая. В этом-то и проблема.

Полина мгновенно восстановила в памяти, что ей известно о семье Миронова и о нем самом. Дважды женат. От первого брака есть сын, ровесник Полины, работает в компании отца. С Мироновым-младшим Полина сталкивалась лишь дважды, и он произвел на нее хорошее впечатление. Не в

пример отцу стройный, весьма привлекательный внешне. К тому же молодой мужчина обладал прекрасными манерами и впечатлял эрудицией. Наверное, все это досталось ему в наследство от матери, первой жены Миронова, потому что остальные дети не славились подобным воспитанием.

Ксения, которой недавно исполнилось шестнадцать, была взбалмошной и капризной. Полина не раз устраивала для девушки и ее друзей пышные праздники. День рождения на Капри, новый год в Нью-Йорке, летний круиз по Карибскому морю – это были лишь самые простые заказы. К более «наглым» можно было отнести покупку эксклюзивных драгоценностей, билеты в первый ряд на показы известных дизайнеров, приватные вечеринки со звездами. И все это девочка получала в свои шестнадцать. Полина даже боялась подумать о том, каковы станут ее запросы, когда она повзрослеет.

О младшем сыне Миронова было известно немного, но только потому, что тот еще был ребенком. Десятилетний мальчишка пока не доставлял особых хлопот. Все его желания ограничивались страстью к коллекционированию машинок, правда, они непременно должны были быть копией известных моделей. И все же Полина чувствовала, что с Ванькой отец хлебнет горя. Недаром сынок запросил на последний день рождения подарок в виде болида почти в натуральную величину, к тому же хотел, чтобы его вручил сам Шумахер. Желание было удовлетворено, пацан носился на сво-

ей игрушке по поместью отца, с гордостью рассказывая друзьям, как известный гонщик учил его управлять этой «штуковиной».

Жена Миронова также была клиенткой «VIP-life concierge». Бывшая модель и певица отличалась сучьим нравом, часто закатывала истерики, которые, как считала, соответствуют ее «звездному» статусу. К счастью, с этой оборзевшей бабенкой, смотревшей на всех свысока, работал Алекс – брат Полины, который с любой девицей, даже с самым нелегким характером, мог найти общий язык. Самой Полине не приходилось сталкиваться с госпожой Мироновой, чему она откровенно радовалась.

– И что же вы ждете от меня? – мягко поинтересовалась Полина, сделав глоток вермута. – Я должна найти для Ксении учителя английского языка и математики?

– Нет! – раскатисто рассмеялся Миронов. – Это и мне под силу. Я хочу, чтобы ты нашла для моей девочки учителя хороших манер.

– Простите?

– Видишь ли, Поля, – начал объяснять Миронов. – Ксения – вовсе не глупая, но воспитанием ее, к сожалению, некому заниматься. Девочке не уделяется должного внимания. Говорит она дерзко, даже со мной. Мать презирает. Думаю, что и со своими друзьями она ведет себя как хабалка. Порой мне стыдно за нее: поведение заносчивое, мысли выразить не умеет, всегда хамит. Ее интересуют только раз-

влечения. Магазины, рестораны, шмотье... Не знаю, кем она станет.

– Считаете, учитель поможет ей найти себя? – спросила Полина, уже обдумывая, кто сможет взяться за эту нелегкую работу – превратить монстра в принцессу.

– Если увлечет ее, – в глазах Миронова промелькнуло сожаление, видимо, он чувствовал вину за то, что его дочь растет сорняком в богатом доме. – Ксения – натура воодушевленная и легко пойдет за человеком, который покажет, каким интересным бывает мир. Только здесь есть маленький нюанс. Этот человек должен быть очень сильным, обладающим твердой волей, иначе она сломает его. Ты сможешь?

– Постараюсь, – уклончиво пообещала Полина.

– Этим ты обяжешь меня.

– Учту, – улыбнулась Полина и поднялась. – Простите за то, что на этом заканчиваю нашу встречу, – она посмотрела на часы. – Я немедленно сообщу, когда найду нужного человека.

– Не останешься на обед?

– В другой раз непременно. Но, к сожалению, не сегодня.

– Только обещаешь, – в голосе Миронова прозвучала обида. – Настоящая женщина. Сладкоречивая и ускользающая. Ты могла бы стать прекрасным учителем для Ксении. Но, полагаю, у тебя для этого нет времени.

Полина наклонилась и поцеловала Миронова в щеку, попрощалась и направилась к выходу. Потом вдруг оберну-

лась и замерла, ошеломленная жалостью, пронзившей ее, едва она взглянула на поникшие плечи Константина Витальевича. Она уже намеревалась вернуться, но вспомнила об обещании, данном Зине, пообедать с родителями, поэтому с тяжелым сердцем медленно побрела к двери, размышляя о том, что никакие деньги не способны сделать человека счастливым. Вот он, Миронов, один из самых богатых людей столицы, сидит одинокий за столиком и с тоской в глазах пьет дорогой коньяк, который не доставляет ему никакой радости. Деньги могут принести много удовольствий, но никогда не дадут самого главного – семейной теплоты. Этого Миронов был лишен, как и большинство клиентов Полины, которые с помощью своих сверхъестественных заказов старались убежать от окружающей их пустоты.

* * *

– Мама, разве отец не знал, что мы собираемся пообедать вместе? – спросила Полина у Елизаветы Карловны, которая вышла встречать дочь в прихожую.

– Ах, девочка моя, – вздохнула Елизавета Карловна, – ты столько раз отменяла наши встречи. Думаю, отец был уверен, что и в этот раз нам не удастся увидеться. Сергей остался в охотничьем домике.

Всякий раз, когда мама говорила о загородном доме в лесу, в голосе ее чувствовалась злость и ревность. Полина уже

перестала удивляться этому и не обратила должного внимания на обиду, звучавшую в голосе Елизаветы Карловны.

– Ему там нравится, – сказала она, снимая босоножки.

– Но в том доме убили Катю! – воскликнула Елизавета Карловна и театрально пошатнулась, словно намеревалась упасть в обморок.

Полина не отреагировала на эту экзальтированную выходку. Мать всегда была эмоциональной, к тому же, как маленький ребенок, очень любила играть на эмоциях близких, что у нее прекрасно получалось. Все начинали охать и вздыхать, пытаясь привести расстроенную Елизавету Карловну в чувства.

– Как он может там находиться? Этот проклятый дом...

– Ни в чем не виноват, – прервала ее Полина. – Успокойся! Отцу там хорошо.

– Зато мне плохо одной!

Елизавета Карловна прошла в кухню и занялась приготовлением чая.

– Обед отменяется? – спросила Полина. – Только чай? Я, между прочим, голодна.

– Прости, солнышко. Я на диете, поэтому Даша ничего не приготовила. Кроме того, как и отец, я была уверена, что ты не приедешь. Но в холодильнике есть сыр и ветчина. Сделай себе бутерброд.

Полина взяла кусочек хлеба и положила на него тонкий ломтик сыра, устроилась на диванчике в углу комнаты и, ти-

хо жуя, наблюдала за матерью. Елизавета Карловна заметно похорошела за последние месяцы. Впрочем, она всегда выглядела привлекательно – подтянутая, оттого что регулярно занималась спортом, ухоженная, так как никогда не жалела денег на косметологов и пластических хирургов. Однако взгляд Елизаветы Карловны казался печальным и утомленным. Грусть не уходила с ее лица с тех пор, как погибла младшая сестра Полины. Мама выглядела подавленной и растерянной, словно у нее отобрали любимую игрушку и она абсолютно не знает, чем себя занять. Понятно, что смерть ребенка не проходит бесследно, однако не стоит терять интерес к жизни. Катю, считала Полина, уже не вернешь, а земля с ее смертью не перестала вращаться. То, что она умерла, не означало, что надо лечь следом за ней в гроб или превратиться в отшельника, боясь выйти на улицу. Может быть, Полина и выглядела со стороны жестокой, проявляя самообладание после случившейся в семье трагедии, но ей казалось неправильным и глупым поведение матери, утратившей вкус ко всему с уходом младшей дочери. Получается, что, похоронив Катю, мама заодно похоронила себя, чего требовала и от остальных – вечной скорби и безучастия к происходящему.

– Я вчера вернулась из Лондона.

– Да? – встрепенулась Елизавета Карловна. – Как там мои мальчишки?

– Сыновья и внук? – хмыкнула Полина. – Живут и здрав-

ствуют. Марк, кстати, тоже весьма хорошо поживает.

Полина специально упомянула имя бывшего мужа Елизаветы Карловны, отца Майкла и Алекса, чтобы увидеть хоть какую-то реакцию на ее лице. Елизавета Карловна сдержанно улыбнулась, догадавшись, почему Полина задевает ее.

– Тебя ничто не может изменить, – сказала она, поставив перед дочерью чашку с чаем. – Конфеты или пирожные?

– И то и другое, – ответила Полина. – Думала, когда человек сидит на диете, он убирает из дома все сладкое.

– Меня не сломать сладостями.

– Знаю. Как ты, мамочка? – Она погладила холеную руку Елизаветы Карловны и вдруг задумчиво посмотрела матери в лицо.

– Мне плохо. Я всегда одна. Отец почти не приезжает в город. Все лето провел в своей избушке и, кажется, окончательно забыл обо мне. Я тоскую. Мне абсолютно нечем заняться. Ты тоже не думаешь о своей маме, хотя знаешь, как я в тебе нуждаюсь.

– Послушай, не хотела бы ты взять на себя роль учителя? Возможно, это принесет тебе удовольствие. Клиент компании ищет для дочери наставника, – Полина старательно выбирала слова, чтобы не дать повода отказаться. – Ты – возвышенная, образованная особа, – продолжила она, заметив в глазах матери интерес, хотя он больше относился к льстивым словам, нежели к самому предложению. – Мама, ты многое дала нам с Катей. Показала мир искусства, научи-

ла ценить и понимать его. Галереи, музыка...

– Ты хочешь, чтобы я таким же образом «обработала» юную деревенщину? – перебила дочь Елизавета Карловна, высокомерно приподняв бровь.

– Выражаешься как наша домработница, – усмехнулась Полина. – Да, хочу. Думаю, только ты сможешь смахнуть с нее пыль и наполнить этот пустой кувшин чем-то значимым.

– Хм, – Елизавета Карловна поправила волосы и манерно погладила подбородок. – Таким незамысловатым способом ты решила избавить меня от скуки?

– И это тоже, – соглашаясь, кивнула Полина. – Развеешься, заодно и девице преподашь урок, какой должна быть настоящая женщина.

Заметив, как ярко заблестели глаза матери, Полина поняла, что выиграла. Что ж, заказ Миронова она выполнила очень быстро. Лучшего педагога для заносчивой Ксении не найти. Елизавета Карловна, несмотря на явную женственность и ранимость, будет сильным противником для взбалмошной девчонки. Она сможет ее увлечь, в этом Полина была уверена, так как сама не раз проникалась рассказами матери о художниках, поэтах и музыкантах. Кроме того, Елизавета Карловна, воспитанная в благородной семье, была знакома с этикетом не понаслышке, поэтому научит юную госпожу Миронову хорошим манерам. Да и вредничать при ней Ксения не посмеет, так как не родился еще тот человек, ко-

торый осмелится демонстрировать в присутствии Елизаветы Карловны дурной нрав. Мать Полины умела охлаждать горячий пыл одним лишь взглядом, а мягким словом, не лишенным сарказма, могла сбить спесь с любого, даже самого отчаянного смельчака.

Полина достала из сумочки телефон и набрала номер Миронова.

– Константин Витальевич, я нашла нужного человека для Ксении, – улыбнулась она в трубку. – Да, так быстро. Дело ведь не требовало отлагательств. Конечно, я сообщу вам, когда и где произойдет первая встреча, а после дамы сами договорятся, каким образом будут проходить их уроки. До свидания.

– Ты даже не дождалась моего согласия, – недовольно произнесла Елизавета Карловна и потянулась за конфетой.

– А диета? – рассмеялась Полина.

– К черту диету! – живо произнесла ее мать и положила конфету в рот. – Расскажи мне об этой девочке.

Полина принялась красочно описывать Ксению Миронову, радуясь оживлению на лице матери. Получилось, что одним выстрелом она убила двух зайцев: помогла Миронову, вернее его невоспитанной дочери, заодно вытащила мать из депрессии, в которой та пребывала уже много месяцев.



Юлиан Воскресов сидел в плетеном кресле на огромной веранде напротив зеркальной глади водного канала и со скужающим видом наблюдал, как по волнам медленно ходят яхты. Уходящее солнце золотило его худое лицо, смягчая нежными лучами неровную кожу, придавая взгляду спокойствие и благодушие. Он выглядел расслабленным, потягивая бренди из бокала, но тем не менее весь его внешний вид демонстрировал неприступность и даже некоторую колочность, проявляющуюся в барской позе и императорском выражении лица. Снисходительная высокомерность – такими словами можно было описать настроение Воскресова, именно поэтому к нему никто не подходил, включая членов яхт-клуба и персонал. Последние лишь изредка приближались к надменному господину, чтобы раболепно поинтересоваться, не желает ли он еще чего-либо. Юлиан отсылал их небрежным взмахом пальцев, показывая, что ни в чем не нуждается. Перед ним на невысоком стеклянном столике стояла начатая бутылка испанского бренди, выпущенного в годы правления Франко², рядом лежали нетронутые сигары – в общем, Юлик находился в очень хорошей компании и не собирался делить ее с кем-то еще. Он ожидал

² Правитель и диктатор Испании с 1939 года до смерти в 1975-м

Полину Матуа, тщательно обдумывая, как вести разговор с этой «уникальной» дамочкой. Они были знакомы вскользь, но ему много рассказывали о ней, и, признаться, Воскресов нетерпеливо подгонял время, мечтая, чтобы она скорее появилась. Аристократичная, умная, с острым языком, при этом женственная и красивая – такие женщины нравились ему. Он был бы не прочь поместить подобный экземпляр в свою коллекцию, но предполагал, что мадам Матуа окажется «сильной штучкой» и не станет вступать в интимные отношения с клиентом. Впрочем, по опыту Воскресов знал, что деньги многое решают, в том числе понижают порог нравственности. Главное – знать, сколько и когда предложить. И все же сначала он хотел, чтобы Полина выполнила заказ, а потом, если представится случай, можно будет узнать ее с другой стороны.

– Господин Воскресов, – услышал он за спиной тихий голос администратора, – приехала госпожа Матуа. Ее провести на террасу или вы желаете принять...

– Сюда, – не дал окончить фразу Юлиан.

Он даже не обернулся к администратору, что было крайне невежливо. В лице молодого человека ничего не изменилось в ответ на подобную бесцеремонность, он вежливо склонил голову и удалился. Спустя несколько минут снова появился на террасе, сопровождая мадам Матуа.

– Благодарю, – Полина кивнула молодому человеку и одала его улыбкой.

– Что желаете?

– Чай, пожалуйста, с лимоном. Очень жарко.

– Да, – кивнул администратор, привлеченный теплотой голоса женщины, – температура в сентябре оказалась выше, чем все предполагали. Но здесь, у самой воды, свежо. Скоро придете в себя.

Он снова удалился, бросив через плечо короткий взгляд на колоритную парочку, и был удивлен, когда самый высокомерный член этого модного яхт-клуба поднялся и поцеловал протянутую руку.

– Добрый вечер, Юлиан Дмитриевич.

Голос Полины был ровным, спокойным и отстраненным, словно она говорила со слугой, который не вызывает у нее никаких эмоций, кроме равнодушия. «Мне бы так! – восхитился администратор. – Но где уж! Они – одного поля ягоды, а я? Всего лишь обслуга, которая должна лизать пятки, чтобы не вылететь с работы». Он ускорил шаг, чувствуя, как внутри закипает злоба, стараясь, чтобы внутреннее раздражение никто не увидел.

Тем временем Юлиан Воскресов, нисколько не смущаясь, пристально разглядывал Полину.

– Сколько лет мы не виделись? – спросил он, задержав взгляд на шее, оголенных плечах и темно-каштановых волосах, в которых ярко играло солнце.

– Два месяца назад встречались на одном светском рауте, – ответила Полина.

Юлиан сделал вид, будто вспоминает, когда и что за мероприятие это было, но Полина сразу поняла – ему прекрасно известно, где именно они виделись в последний раз. Видимо, «мальчик» набивал себе цену, прикидываясь слабо помнящим или недоступным, только для чего он это делал, было не ясно.

Воскресов вообще был крайне непонятным типом. Вернее, все маски, которые он носил, являлись вполне очевидными, каким же он был на самом деле, не знал никто. Вполне возможно, даже сам Юлик не предполагал, кто живет внутри него. Одно было бесспорно – Воскресова обожала капризная фортуна, что, несомненно, отразилось на его характере и отношении к жизни. Юлиан был единственным сыном одного из самых значимых людей страны. Отца его называли крупнейшим российским предпринимателем, занимался он нефтью, финансами, розничной торговлей и был членом Общественной палаты Российской Федерации. А в последнее время ходили слухи, что Воскресов-старший решил все свои силы направить в политику. Наверное, метил как минимум в вице-президенты или же готовил теплое местечко для своего обожаемого сынка. Для Юлика отец ничего не жалел, поэтому неудивительно, что сын вырос заносчивым и непримиримым. Настоящий властитель вселенной – такого за версту чувствуешь и не можешь не поразиться величию, которое читается в его взгляде. Юлиан Воскресов действительно умел смотреть на собеседника так, что у то-

го по спине бегали мурашки от страха. Но иногда этот заносчивый мужчина умел быть обаятельным и очень милым. Например, сейчас, когда он смотрел на Полину, взгляд его выражал доброжелательность. Одновременно в нем читалась самоуверенность и некое самодовольство, никогда не исчезающее с его лица. В самом лице, кстати, не было красоты, хотя Юлиан считал себя неотразимым. Мелкобугристая кожа, как у юноши, только что вышедшего из подросткового возраста, тонкие нервные губы, мутно-карие, невыразительные глаза. Высокий, худощавый, с длинными руками и ногами, он напоминал паука-сенокосца – простой, серый и абсолютно непривлекательный. Зато вкус у него был отличный, одевался элегантно, носил дорогие часы, которые небрежно отливали белым золотом на костистом запястье, ездил на дорогих спортивных машинах и предпочитал таких же эксклюзивных женщин. За последний год он пропустил через свою постель не менее десятка самых лакомых красоток столицы, а скольких еще уложит в свою царскую койку, мало кто мог предположить. «Что они в нем находят? – недоумевала Полина. – Конечно же, ведутся на его состояние. Как я могла это упустить?» Юлиан Воскресов слыл щедрым любовником, многих своих дамочек он одаривал, не скупясь. Поэтому лишь за одну ночь с ним можно было стать обладательницей прекрасных серег от «Bulgari», хорошенького манто из ценного меха или же, если сильно постараться и удивить его, новехонькой машинки. Однажды, в пылу осо-

бой расточительности, Юлиан заплатил на благотворительном аукционе триста тысяч евро за право назвать новый сорт орхидеи именем своей подруги. Та подруга уже давно канула в Лету, но имя ее до сих пор помнит весь столичный бомонд благодаря тому, что теперь его носит прекрасный цветок. Странно, что Воскресов до сих пор не женат. «Ему ведь, – прикинула Полина, – лет тридцать пять. Хотя это его личное дело, кого и когда вести под венец».

– Итак, Юлиан Дмитриевич, я вся внимание.

Полина присела в свободное кресло напротив того, где еще несколько минут назад сидел Юлиан, неспешно потягивая бренди, и указала рукой, приглашая занять свое место. Воскресов улыбнулся, но взгляд его остался резким и колючим. Видимо, не понравилось, что Полина ведет себя с ним как равная или же даже выше. Он не любил людей из сферы obsługi, а мадам Матуа относилась именно к их числу, несмотря на то что работала со сливками общества. Тем не менее он быстро оценил ее физическую привлекательность, что несколько смягчило его недовольство, и решил, что такая роскошная женщина имеет право приказывать.

На Полине было надето короткое легкое синее платье, позволяющее полностью рассмотреть ее фигуру. Стройная, с тонкими гладкими ногами, узкими бедрами и изящной спиной, она выглядела, как эквилибристка – прекрасно держала осанку была сосредоточенна, но одновременно спокой-

на. Серые глаза ее светились серебром в лучах заходящего солнца, губы едва заметно улыбались. В общем мадам Матуа произвела приятное впечатление на пресытившегося вниманием женщин Юлина своей открытостью, нежностью и, главное, равнодушием к его персоне.

– Юлиан Дмитриевич, – снова позвала Воскресова Полина, показывая, что он слишком долго держит паузу, – начнем?

– Просто Юлик, – вдруг сказал он, голос его при этом изменился, стал теплым и приятным. – Все друзья называют меня так.

– Но я не друг, – улыбнулась Полина.

– Что ж, будь по-вашему, – снова превратился в колючку Воскресов. – Приступим. Я решил воспользоваться вашими услугами.

– Хотите сделать заказ? – усмехнулась Полина, небрежно откидываясь на спинку кресла. – Насколько мне известно, на вас работает большая команда профессионалов, способная решить любую задачу.

– Сначала выслушайте меня, не перебивайте. После вступим в дебаты.

Воскресов потянулся за бокалом бренди, Полине не предложил составить компанию, что неприятно ее удивило. «Хамло! – пронеслось в голове. – Ну, давай говори! Я тебе такую цену заломлю, что ты не рад будешь! Сам откажешься. Иметь с тобой что-то общее, дорогой, у меня нет никакого

желания».

– Речь пойдет о колье «Женевьева». Слышали о таком?

– Нет.

– Странно, – Юлик недоверчиво прищурил глаза. – Я думал, вам приходилось работать с эксклюзивными драгоценностями.

– Разумеется, – Полина положила ногу на ногу и подставила лицо лучам теплого сентябрьского солнца. – И не раз. Только о «Женевьеве» мне ничего не известно.

– В таком случае вам будет интересно поработать над этим, – уверенно произнес Воскресов.

– Над чем?

– Я хочу получить это колье. Вам нужно узнать, кто им сейчас владеет, и договориться с хозяевами о сделке. Десять процентов от суммы – ваши.

– Но я...

– Колье весьма недешевое, поэтому вы не останетесь в обиде, – Воскресов поднялся и посмотрел на швартующуюся к пристани яхту. – Постарайтесь уложиться в шестьдесят дней.

– Как? – удивилась Полина и также поднялась. – Это вся информация? Только имя колье?

– Но вы же первоклассный специалист в подобных вопросах, – Воскресов повернул к ней голову и ядовито улыбнулся. – Именно поэтому я не стал привлекать свою команду, а обратился именно к вам. Мне намекнули, что мои ребята –

дилетанты в сравнении с вами.

– И все же, чтобы начать работу, у меня должно быть больше сведений.

– Хотите сказать, что этот заказ вам не по плечу? А как же квалификация вашей компании и ее репутация? Кое-кто из моих приятелей говорит, что вы можете все.

Воскресов вел себя так, будто хорошо знает Полину. Он мастерски сыграл на ее самолюбии, уверенный, что после этих слов она не сможет отказаться. Если же такое случится, Воскресов сделает все, чтобы навредить «VIP-life concierge», в этом Полина не сомневалась. Сейчас он напомнил Миронова, который с легкостью расправлялся с теми, кто отказывался выполнять его желания.

– Мои контакты, – добавил Воскресов, протянув визитку. – Жду от вас хороших новостей.

Он вдруг резко взял Полину за руку, также порывисто поцеловал запястье и быстрыми шагами направился к лестнице, ведущей на пирс. Полина с непониманием, смешанным с раздражением, смотрела ему вслед.

– Ваш чай, госпожа Матуа, – послышался голос администратора. – С лимоном.

– Спасибо, – Полина виновато улыбнулась. – К сожалению, не смогу оценить его. До свидания.

Она еще раз посмотрела на худую фигуру Воскресова, идущего к пришвартованной яхте, повертела в руке визитку и мысленно выругалась. «Женевьева», – несколько раз по-

вторила она про себя, потом вытащила из сумочки телефон и набрала Зинин номер.

– Ты еще в офисе? – спросила она. – Хорошо. Свяжи меня с Кайрусом. В главной книге есть его контакты.

– Кто такой?

– Ювелир. Нужна консультация.

Глава 3

В Петербурге погода стояла теплая, но пасмурная. С самого утра солнце пряталось в серой дымке, затянувшей небо, дул ветер, сильный и влажный. Лишь после полудня, когда Полина шла к дому Кайруса, на горизонте появилась голубая полоса, из нее призывно выглянул желтый диск, ярко осветив крыши домов и темные воды Мойки, но вскоре просвет затянулся, с ним исчезло и солнце. Снова пейзаж стал серым, мрачно-величественным и каким-то чуждым.

Полина вздрогнула от очередного порыва ветра, зацепившего ее плащ и по-мужски грубо оттолкнувшего к мостику. Всю дорогу она жалела, что не попросила в отеле, в котором остановилась, вызвать для нее такси. Но тогда пройтись пешком показалось хорошей идеей, тем более что до дома Андреаса Витольдовича было всего двадцать минут ходьбы. Однако эти двадцать минут плавно перешли в сорок, Полина катастрофически замерзла и последние двести метров почти бежала, чтобы хотя бы немного согреться. У дома она остановилась, выровняла дыхание, поправила растрепавшиеся волосы и только потом вошла внутрь.

Консьерж был предупрежден о визите Полины и вежливо проводил ее до квартиры ювелира, нажал на кнопку звонка. Вскоре дверь открыли. На пороге стоял сам Андреас Витольдович и приветственно улыбался. Вообще-то этого ко-

лоритного старика с длинными седыми волосами, собранными в тонкий хвост на затылке, белой бородкой и черными бровями, яркими пятнами выделяющимися на лице, на самом деле звали Андреем. Однако он просил, чтобы к нему обращались не иначе, как Андреас. По какой причине ему захотелось так называться, Полина не знала, но предполагала, что это своеобразная дань моде на экзотические имена, а также особенность творческой природы Кайруса, любившего все необычное.

– Полина, ты, как всегда, вовремя, – загремел он глубоким басом, пропустив женщину внутрь. – У меня сегодня прекрасное настроение, но оно стало еще радостней, когда я увидел тебя.

– Лыстец, – рассмеялась Полина.

Обращались они друг к другу на «ты», несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте. Так повелось с самого начала их знакомства, которое состоялось восемь лет назад. Кайрус заметил, что чувствует себя стариком, когда к нему обращаются по имени-отчеству, поэтому предпочитает демократичное обращение, непременно без вежливо-отстраненного «вы». Произнося эти слова, Андреас прижимал к груди светловолосую, слегка пьяную девицу лет восемнадцати. Он всегда предпочитал юных спутниц, и чем старше становился сам, тем моложе были его любовницы. Семьи Кайрус не имел, жену и детей ему заменили драгоценные камни и металлы, которые он обожал больше, чем живых людей.

Холостяцкая жизнь богемного ювелира его вполне устраивала, выглядел Андреас счастливым и, что самое важное, ощущал себя полностью свободным. Девочек менял часто, долго на ком-то не останавливался, потому что начинал отчаянно скучать, когда отношения угрожали перейти в разряд постоянных. Он не умел быть преданным кому-то, ибо уже давно хранил верность только своей работе. Ничто не влекло его так, как украшения, ставшие смыслом жизни. Кайрус был и создателем, и коллекционером, причем пользовался равным уважением и в той, и в другой области. Его личные изделия в готическом стиле имели большой успех уже на протяжении нескольких десятков лет, а слава знатока необычных предметов искусства, цена которых достигала нескольких миллионов, выходила далеко за пределы родного Питера. Полина не раз обращалась к нему за советом, когда того требовали обстоятельства. Кайрус знал, где и у кого приобрести нужные ей драгоценности, а главное, как сделать это быстро и без лишнего шума. Клиенты компании не любили тратить свое время и мечтали быстро приобрести интересные их старинные ювелирные украшения, обходя положенные бюрократические проволочки. В том, чтобы удовлетворить их желания, Кайрус был незаменим. Он был вхож во все известные ювелирные дома Европы, имел в приятелях десятки коллекционеров, которые никогда не отказывали в помощи. Впрочем, и сам Кайрус оказывал им по-дружески коммерческие услуги, так что это было взаимовыгодное сотруд-

ничество. Именно поэтому Полина обратилась к нему, зная, что если кто-то и способен дать ей информацию о колье «Женевьева», то только Андреас.

– Сегодня пьем какао, – заявил Кайрус, пригласив Полину в светлую столовую. – Погода – дрянь, солнце раньше марта не появится, поэтому будем устраивать весну в сердце. Только какао способно дать энергию и вызвать улыбку на губах. Ты уже улыбаешься?

– Да, – кивнула Полина, усевшись на высокий стул у барной стойки, соединяющей кухню и столовую. – Ты болтлив, как попугай.

– Попугаи произносят лишь то, что слышат. Я же говорю душой.

– Убедил. Почему в халате?

– Встретились бы в мастерской – был бы при параде. Я у себя дома, поэтому не морщи нос и принимай меня таким, каков я есть.

С обычными клиентами Кайрус встречался только в мастерской, лишь близких друзей пускал в свое личное пространство.

– И чем тебе не нравится мой халат?

– Почему не нравится? – Полина внимательно оглядела тонкий нежно-голубой шелк, плавными волнами льющийся по мускулистой фигуре. – Красивый халат. Женский?

– Все-то ты видишь, зайчик, – усмехнулся Кайрус. – Это Изольда, моя последняя любовь, оставила в подарок ча-

стичку себя.

– Тряпку? Щедрая у тебя любовница. Ты похудел? Выглядишь прекрасно. Если не смотреть на твое морщинистое лицо, а только на фигуру, с легкостью можно дать лет сорок.

– Двадцать восемь лет отняла? – Кайрус самодовольно втянул и без того плоский живот, при этом выпятил грудь вперед. – Неплохо!

– Тебе шестьдесят восемь? Андреас, я восхищена!

– Думаю, пора заканчивать с дифирамбами и озвучить цель твоего визита в Петербург. Вернее, ко мне.

– Что ж, – протянула Полина, крепко сжав ладони, – тогда слушай. Меня интересует кольцо «Женевьева». Расскажи все, что знаешь о нем.

Кайрус уже открыл холодильник и потянулся к пакету молока, но остановился, задумавшись.

– «Женевьева»? – переспросил он, бросив внимательный взгляд на свою гостью. – Ты уверена, что говоришь о колье, а не о парюре?³

– Без понятия. Я лишь вчера узнала о том, что оно существует. Так ты слышал о нем?

– «Женевьева», дорогая моя, это легенда в ювелирном ми-

³ Парюра – ювелирный гарнитур, объединяющийся в комплект в соответствии с видом драгоценных камней, которые использовались ювелиром при изготовлении украшений. В полный комплект входят диадема, тиара, гребень, бандо (драгоценная лента для волос), кольцо, серьги, брошь, браслеты, кольца. Если парюра неполная (как правило, в ней отсутствуют украшения для головы), то такие наборы называют полупарюрами.

ре. Сладкое слово для любого мастера.

– Не поэтизируй, – прервала его Полина, беспокойно движившись на стуле. – Говори по существу. Это важно. Чувствует мое сердце, что у «VIP-life concierge» будут проблемы, если не разберусь с этим делом.

– А ты не лети впереди паровоза, – рекомендовал Кайрус. – Не сбивай меня с мысли. Кроме того, сейчас я не смогу удовлетворить твое любопытство.

– Отчего же?

– К разговору о драгоценностях нужно подходить серьезно. Это не праздная беседа, здесь нужен особый настрой. Поэтому жду тебя завтра у себя в мастерской. К тому времени я уже подготовлюсь.

– Но, Андреас, – умоляюще протянула Полина, – зачем ты заставляешь меня ждать? Скажи сейчас все, что тебе известно. Не размазывай кашу по тарелке!

– Ты хочешь иметь на руках достоверную информацию или сплетни?

– Сплетни мне не нужны.

– Тогда придется подождать. Не желаю казаться голословным.

– Хорошо, – обреченно согласилась Полина, понимая, что больше не вытащит из Кайруса ни слова. – Где завтра встретимся?

– Я уже сказал. У меня в мастерской, в одиннадцать.

– Да, сэр. Ну, где же твое какао? Развесели мою душу, а то

я совсем поникла.

Кайрус достал из шкафчика пузатую банку и поставил ее перед Полиной. Потом прищурился, как старая ворона, и щелкнул языком.

– Давно я не слышал, чтобы интересовались «Слезой».

– Какой еще «слезой»? – Полина открыла банку и с наслаждением вдохнула ни с чем не сравнимый аромат молотых какао-бобов.

– Если мы говорим об одном и том же украшении, – пояснил Кайрус, с улыбкой наблюдая за тем, как подрагивают ноздри Полины, – то кольцо называется «Слеза Женевьевы». «Женевьева» – это имя парюры.

– Все парюры имеют имена?

– Разумеется. Как, впрочем, и все известные драгоценности. Например, «кольцо Дагмар» названо в честь королевы Дании. Или же знаменитая хризолитовая парюра носит имя Габсбургов, аметистовая парюра королевы Мэри и так далее. Все в этом мире имеет свое название, значимые украшения не исключение. Но об этом мы поговорим завтра. Сейчас давай готовить какао. Итак, смешиваем две ложки порошка с молоком. Выполняй, я проконтролирую. Только без комков, – предупредил Кайрус, подав Полине ложку и маленькую чашу.

– Может, сам?

– Не ленись, делай, что говорю. А я тем временем буду следить, чтобы молоко не убежало из сотейника. Это, как са-

ма понимаешь, очень ответственное занятие.

* * *

Около четырех дня Полина вернулась в отель, приняла душ и прилегла на кровать. Неизвестно почему, но она чувствовала себя усталой, будто с самого утра усиленно работала, а не отдыхала в обществе приятного ей человека. Мысли крутились вокруг колье и Андреаса, который пожелал перенести разговор на более поздний срок. Она с нетерпением ждала завтрашней встречи, одновременно обдумывая, что следует предпринять в дальнейшем. Все будет зависеть от того, что расскажет Кайрус. Если он предоставит сведения о том, кто сейчас владеет этим украшением (а он их предоставит, была уверена Полина), придется думать, как встретиться с хозяевами и приготовить нужные слова, чтобы уговорить их продать «Слезу». Интуиция подсказывала, что это будет сложно сделать, так как с такими вещами люди просто так не расстаются, даже за огромное вознаграждение.

Незаметно для себя, утомленная размышлениями, Полина уснула. Спустя час ее разбудил настойчивый звонок. Протянув руку к телефону, она включила громкую связь и сонно проговорила:

– Слушаю.

– Госпожа Матуа, – послышался вежливый голос, – к вам пришел гость. Позвольте ему подняться в номер или попро-

сидеть подождать, когда вы спуститесь?

– Что за гость?

– Филипп Литвин.

Полина мгновенно встrepенулась и вскочила с кровати.

– Пусть поднимается, – разрешила она, затем быстро побежала к зеркалу, захватив с собой тюбик губной помады.

Накрасила губы, наспех причесалась и поспешила к двери, распахнув ее до того, как Литвин успел постучать.

– Здравствуй, – тихо сказала она и вздрогнула, так как он стремительно вошел в номер и обнял ее. – Что ты...

Полина ошеломленно отпрянула в сторону, когда он вместо ответа потянулся к ее губам.

– Я не мог не приехать, – сказал Литвин. – Зина сказала, где ты остановилась, – предупредил он следующий вопрос Полины. – Я совершил ошибку?

– Все зависит от того, какую цель ты преследовал.

Литвин молча подошел к дивану, но не присел, наоборот, повернулся к Полине и бросил на нее долгий изучающий взгляд, словно пытался проникнуть в ее мысли. Полина также молчала, лишь нервно сглотнула. Она рассматривала его невысокую фигуру, серые холодные глаза и не улыбающиеся губы. Захотелось подойти и провести руками по плечам, потом дотронуться до волос, прикоснуться пальцами к шее, подбородку. Решив не сдерживаться, Полина сделала несколько шагов вперед и приятно удивилась, когда он устремился ей навстречу.

Без лишних в этой ситуации разговоров они быстро снимали друг с друга одежду, продвигаясь к спальне. Не было произнесено ни одного слова, словно звуки помешали бы насладиться неожиданно вспыхнувшей страстью. Разумом Полина понимала, что ей нужно остановиться, но руки Литвина, его губы не давали возможности сделать это. Тело просило любви, и Полина, с тихим вздохом упав на постель, покорилаь.

Время в объятиях Литвина летело быстро. Уже ближе к восьми Полина отодвинулась от него и с тихим удивлением в голосе сказала:

- Я не очень люблю сюрпризы, но этот меня впечатлил.
- Рад угодить.
- Что на тебя нашло?

В словах ее послышалась грусть, что не прошло незаметно для Литвина.

- А ты почему уступила?
- Не знаю, – Полина устало погладила лицо, поднялась с постели и набросила на себя халат. – Вернее, вполне понимаю, почему именно, но мне это не нравится.
- Из-за того, что я женат?
- Не только поэтому. Я не хочу, чтобы мы сближались, ведь это не принесет ничего хорошего.
- Откуда такая уверенность? – Литвин потянулся к рубашке, надел ее и принялся застегивать пуговицы. – Мне, например, кажется, что все сложится хорошо.

Полина покачала головой и подала ему брюки.

– Ошибаешься, – сказала она. – Я не умею играть на чужой территории и не хочу причинять боль другим людям.

– Ты о Яне говоришь? – усмехнулся Литвин.

– Да, о твоей жене.

– Я принял решение расстаться с ней.

От неожиданности Полина на несколько секунд задержала дыхание и быстро отвернулась, потом и вовсе отошла к окну, чтобы Литвин не увидел страх, промелькнувший в ее глазах. Она вдруг испугалась перемен, но вместе с тем радовалась, что в отношениях появилась ясность. Литвин явно продемонстрировал, что не намерен оставаться просто другом и довольствоваться встречами в ресторанах или прогулками по парку.

– Что скажешь?

– Давай поужинаем, – она повернулась. – Я проголодалась.

Литвин широко улыбнулся.

– Полина, я не собираюсь давить на тебя, – сказал он. – Не хочу лишать тебя свободы или же заставлять делать выбор. Я здесь лишь для того, чтобы показать, что ты нужна мне.

– Все очень неожиданно.

– Разве? – Литвин подошел к ней и ласково провел пальцами по щеке. – Мне кажется, все уже давно шло к этому. С момента нашей первой встречи я желал тебя.

– Не лги, – рассмеялась Полина, но замолчала, посмотрев

на его губы.

– Поймала, – Литвин приблизился к ней и прошептал: – Не с первой и даже не со второй. Я не знаю, когда понял, что люблю тебя. Возможно, совсем недавно, но это не меняет сути.

– Любишь?

– Люблю.

Полина прошла в центр комнаты, посмотрела на измятую постель и присела на краешек кровати.

– Как именно любишь? С бабочками в животе?

– Что за глупости! – воскликнул Литвин, присел рядом с ней и погладил оголившееся бедро. – Мы же не подростки, чтобы мучиться от страсти. Меня даже не влечет к тебе настолько, чтобы сметать все на пути, лишь бы быть рядом. Я просто хочу быть с тобой, потому что когда мы вместе, мне хорошо.

Полина прикусила губу.

– Но когда мы врозь, ты не скучаешь. Это не любовь.

– А что тогда?

– Не знаю, – Полина пожала плечами. – Просто влечение.

– Называй как хочешь, – голос Литвина стал жестким. – И не обижайся на мои слова. Я сказал правду. Я тебя люблю, пусть и без бабочек в животе. Смешное выражение, – усмехнулся он. – Детское. Спустимся в ресторан?

– Нет, – Полина поднялась и сбросила халатик на пол. – Ужин отменяется. Ты ведь бросил дела и примчался

из Москвы в Питер не для того, чтобы посидеть со мной в ресторане «Астории».

– Ты права, – Литвин провел рукой по ее обнаженному бедру. – Занять друг друга беседой мы сможем в любое другое время.

* * *

Мастерская Кайруса была похожа на spa-салон. Шум города не проникал внутрь, создавалось впечатление, будто находишься где-то в горах, в спокойствии и тишине. В углу огромной комнаты в японском стиле стояла композиция из шероховатых на вид камней и темного песка. Рядом с ней по бамбуковым стеблям неслышно лилась вода в каменную чашу.

– Это цукубай, – пояснил Кайрус, проследив, куда смотрит Полина. – Ритуальная чаша для омовения рук и лица.

– Здесь все изменилось с момента моего последнего визита, – сказала Полина. – Мне нравится.

– И мне, – улыбнулся Кайрус, небрежно растянувшись на низком белом диванчике. – Люблю натуральные материалы. Посмотри, стены и потолок покрыты волокнами папируса, перегородки между зонами помещения обтянуты льном. Пол из «ипе лапачо».

– Ипе... что?

– Лапачо, – рассмеялся Кайрус. – Дерево редкой породы.

Произрастает в тропических лесах Южной Америки. У него уникальная волнистая структура.

– Не вижу ничего особенного.

– Куда исчезла твоя чувственность, которая так мне нравилась? – Кайрус театрально закатил глаза и вздохнул. – Ты перестала понимать прекрасное.

– Зато я умею ценить время, причем не только свое, но и тех, с кем общаюсь.

Полина посмотрела на часы и подумала о Литвине, который остался в ее номере. Она обещала, что не станет задерживаться, быстро переговорит со словоохотливым Андреасом и так же быстро вернется. Утром они обсуждали планы на ближайший день и остановились на пешей прогулке по центру города, тем более погода позволяла: с самого утра светило солнце, да и воздух был теплым и мягким. Полина мысленно подгоняла Кайруса, который углубился в описание столика для чайных церемоний, стоящего перед низким диванчиком, где они устроились.

– ...из цельного массива сандалового дерева. Специально привезен из Китая, – хвастался он.

– Во сколько тебе обошлись эти преобразования?

– Некорректный вопрос, – ответил Кайрус, но тут же назвал сумму.

Полина не удержалась и присвистнула.

– Расточительно.

– Для души ничего не жалко.

– А куда ты спрятал сейфы с драгоценностями?

– В банке. Не думаешь ли ты, что я настолько глуп, чтобы держать камни в этом месте. Когда я над чем-то работаю, то все, что необходимо, привожу сюда, а после снова отправляю на хранение, где грабителям до моих брюликов, изумрудов и сапфиров никак не добраться. В мастерской я оставляю лишь полудрагоценные камни.

– Я думала, что ты не работаешь с «холопами», – усмехнулась Полина. – Только с благородными особами.

– Цитрины, рубины и топазы ты называешь низшим классом? – ахнул Кайрус, схватившись за сердце. – Опрометчиво! Красота их велика...

– Достаточно! Не мучай меня словесным поносом.

– Матуа! Беспардонная особа, – Кайрус, как кошка, бесшумно и грациозно прыгнул с дивана и подошел к столу у окна, взял папку и вернулся к Полине. – Внутри фото кольцо.

Полина быстро вытащила несколько снимков, и от восхищения ее глаза расширились.

– Матерь божья, – прошептала она, разглядывая длинную сапфировую цепь с огромной подвеской.

– У всех, кто смотрит на «Слезу», такая же реакция, – заметил Кайрус, присев рядом с Полиной. – Представь, что творится в душе, когда держишь кольцо в руках. Холодное, блестящее, восхитительное. Хотя это вряд ли возможно представить.

– Рассказывай, – потребовала Полина, подумав про себя, что не зря Юлик Воскресов желает получить подобное сокровище. – Кто сейчас им владеет?

– Баронесса фон Рихтгофен. Уже больше столетия парюра принадлежит этим немецким аристократам. Вернее, то, что от нее осталось.

– Не поняла, – насторожилась Полина. – Парюра неполная?

– Похоже, что так, – кивнул Кайрус. – Восемь лет назад с молотка ушло бандо за баснословную сумму. Потом его снова перепродали. В общем, у кого оно сейчас – неизвестно. Как и нет возможности узнать, кто владеет остальными украшениями. В парюру входили диадема, бандо, гребень, «Слеза», – он ткнул пальцем в фото, – серьги и браслет. Кольца и броши не было, поэтому парюра неполная изначально. Похоже, что теперь от знаменитого гарнитура у наследников осталось лишь кольцо. Н-да, жадный до денег барон Рихтгофен все распродал.

– И чем этот гарнитур знаменит? Кроме его стоимости, разумеется. Чувствую, что только за одно кольцо можно купить по меньшей мере три государства в Африке.

Полина быстро посчитала в уме, сколько денег получит от Воскресова, если уговорит баронессу продать это произведение искусства, и расплылась в улыбке.

– О-о! Кольцо имеет очень плохую историю. Пожалуй, я начну с начала, чтобы было понятнее, – Кайрус удобно рас-

положился на диване и бросил на Полину мрачный взгляд, словно намекал на то, что его рассказ будет весьма кровавым. – Сто семьдесят лет назад один богатый английский промышленник купил у какого-то там индийского махараджи сапфир в триста карат. Да-да, не удивляйся. На снимке он кажется не очень большим, но тем не менее камень намного больше перепелиного яйца. В общем, этот сапфир и стал основой колье. Подвеска, как ты сама понимаешь, наиболее важная часть «Слезы»...

– Почему именно «Слеза»?

– Помолчи немного. Дай мне возможность составить цельный рассказ.

– Прости, – виновато произнесла Полина. – Продолжай.

– Сначала было изготовлено колье. Им занималась мастерская Кастеллани в Риме. Был такой очень известный в девятнадцатом веке ювелир по имени Фортунато Кастеллани. Он работал в греческом и этрусском стиле, но колье почему-то сделал в дворцовом классицизме. Впрочем, никакой другой стиль не подошел бы таким камням, какие представлены в колье. Только ампир. В нем столько пафоса и величия, – Кайрус замолчал на мгновение. – Итак, Кастеллани изготовил «Слезу» из чистейших цейлонских сапфиров. Английский делец подарил это роскошное колье своей невесте в день свадьбы, а спустя четыре месяца задушил юную супругу им же, обнаружив в ее постели любовника.

– И оно не порвалось? – удивилась Полина.

– Как видишь. И после еще не одна женская шея не смогла разъединить его крепкие звенья.

– В смысле?

– Поясняю, – Кайрус облизал губы. – Англичанин, первый владелец «Слезы», после убийства жены бежал в Америку и продал колье одному французскому маркизу. Тот богатей, наживший легкие деньги в наполеоновские времена, решил, как бы это сказать, выпендриться и сделать колье частью парюры. Специально для этого была отправлена экспедиция на Шри-Ланку, откуда привезли достаточное количество камней такого же высокого класса, как те, из которых состоит колье, чтобы изготовить остальные элементы гарнитура. Так появились бандо, диадема... и все остальное. Жена француза была в восторге от подарка мужа, но так же, как и первая дамочка, на чью шею надели «Слезу», не долго.

– Она изменила, и ее задушили?

– Браво! – хлопнул в ладони Кайрус.

– А кто стал третьей жертвой этой кровавой штулки?

– Дочь той француженки, муж которой составил парюру. Ее так же придушил благоверный, правда, уже не колье, а собственными руками, когда она родила ему чернокожего наследника. После смерти жены французского маркиза колье, как и вся парюра, надолго затерялось. всплыло лишь в начале прошлого века, и владел им уже барон Рихтгофен. Его первую жену, кстати, нашли мертвой в озере фамильного замка с веревкой на шее. Задушили, а после тело положи-

ли в воду.

– Сам барон?

– Возможно, – с видом знатока кивнул Кайрус. – У него было железное алиби, но не факт, что смерть изменщицы не была заказана им профессионалам.

– Бред какой-то! – Полина покачала головой, избавляясь от наваждения, вызванного рассказом Кайруса. – Такое чувство, будто ты во всех этих несчастьях обвиняешь именно колье. Словно оно подталкивало женщин к изменам. И почему оно называется «Слезой»? Из-за того, что много бед принесло?

– Потому что камни в нем чистые, как слезы невинной девушки. Ты помнишь легенду о Женевьеве Брабантской?

Полина отрицательно покачала головой.

– Муж Женевьевы Зигфрид уехал в долгий крестовый поход, а ее обвинили в нарушении супружеской верности и приговорили к смерти, хотя барышня была честна перед супругом.

– Поэтому парюра называется ее именем?

– Не-а, – хихикнул Кайрус, поджав под себя ноги. – Женевьевой звали первую владелицу колье.

– А зачем ты мне легенду рассказал? Для красного словца?

– Так и есть, – признался Кайрус. – Уж очень в тему она звучала.

– Измена, – медленно проговорила Полина и поднялась. –

Получается, все, кому дарили это кольцо, предавали своих мужей.

– Стечение обстоятельств. Просто бабы были похотливыми, а их мужья либо старыми, либо уродливыми. Вот и вся история. Но то, что кольцо уникально, не вызывает сомнений. За ним многие дельцы и ювелиры охотятся, потому что равного ему по цене и качеству нет в этом мире. Разве что «сапфир Логана», практически такой же по весу, или же сапфир Марии Румынской. Но ни один из них не обладает такой чистотой и божественной синевой, как «Слеза». Цвет у главного камня необычный, васильковый, яркий, звонкий. Остальные камни в колье также хороши, однако не такие притягательные и влекущие.

– Подожди, ты сказал, что барон Рихтгофен задушил жену, – задумалась Полина, – но в самом начале беседы упомянул, что кольцо владеет баронесса. Как такое возможно? Она дочь барона?

– Вторая жена.

– И до сих пор жива? – прыснула со смеху Полина. – Ее никто не задушил?

– Как видишь. Может, она жива только потому, что женой барона была недолго. Или же очень любила мужа, не заглядывалась на других мужиков, поэтому кольцо пощадило ее.

– Колье? Или барон?

– Не спрашивай объяснений. Я рассказал тебе все, что мне известно. Теперь сама думай, как отыскать эту престарелую

тетку.

– То есть, где она живет, ты не знаешь? – Полина приподняла бровь.

– В Баварии. К сожалению, не могу назвать точный адрес.

– Андреас, – Полина раскинула руки и заулыбалась, – даже не представляешь, как я тебе благодарна.

Она наклонилась к Кайрусу, поцеловала в гладкий загорелый лоб и громко взвизгнула, когда он усадил ее к себе на колени.

– Отпусти. Старый ловелас.

– Ну почему же «старый»? – хохотнул Кайрус и поднял руки вверх, показывая, что не намерен удерживать Полину силой, потом посмотрел на часы. – Все, уходи. Ко мне сейчас клиент придет.

– Слава богу, – Полина вскочила и отбежала на безопасное расстояние, однако тотчас же вернулась и ласково потрепала Кайруса по плечу. – Спасибо, дорогой. Чем отплатить тебе за эту услугу?

– Поужинаешь со мной в свой следующий приезд в Питер, – подмигнул ей Кайрус и хлопнул ниже спины. – Теперь убегай.

Со странным беспокойством в душе Полина вышла на улицу и быстро направилась к отелю. Мысль о Литвине, который ожидал ее в номере, согрела, заставила улыбнуться. Она уже считала минуты до того момента, как окажется в его объятиях.

В холле Полину окликнул администратор, прося подойти к стойке.

– Госпожа Матуа, ваш спутник просил передать это, – мужчина протянул конверт.

Полина осторожно вскрыла его и вытащила сложенный вдвое листок бумаги. «Полина, извини. Пришлось срочно уехать. Семейные проблемы». Ни подписи, ни обещаний увидеться. Сухо и официально, будто не было ночи любви и душевных разговоров, лишь деловая беседа, которая ничего не оставила внутри. Литвин даже не попрощался в письме, просто констатировал факт своего исчезновения, чем не только удивил, но и разозлил Полину.

– Козел, – сквозь зубы процедила она и направилась к лифту.

Глава 4

– Опаздывает, – сказала Полина, сверля взглядом стоянку перед кафе. – Вот нахалка!

– Почему ты злишься? – спросила Елизавета Карловна. – Девочка задерживается лишь на десять минут.

– Не уверена, что она вообще появится, – Полина потянулась к телефону. – Позвоню ее отцу, пусть...

Елизавета Карловна властно дотронулась до руки дочери и взглядом запретила связываться с Мироновым.

– Ты раздражена, но не потому, что Ксения опаздывает. В твоей жизни случились события, которые заставляют тебя нервничать? Поделись со мной.

– Мама, – Полина расстроено повела плечами, – я не желаю сейчас говорить о личной жизни.

– «Сейчас»? – с горестным вздохом переспросила Елизавета Карловна. – Ты никогда не посвящала нас с отцом в свой внутренний мир. Мы оттолкнули тебя, хотя ты всегда стремилась к близости. Мы виноваты, а теперь не понимаем, как это исправить.

Полина отвернулась, не зная, что ответить. Мать была права. Она всегда ощущала себя отверженной, потому что родители предпочитали ей младшую сестру. Катя была центром их любви и нежности, Полина лишь придатком, на который не обращали внимания. Теперь, когда Кати не ста-

ло, родители пытались наладить отношения, и больше всего мать, нуждающаяся в ласке и общении, но Полина не хотела ничего менять. Семью ей давно заменили братья, они были и останутся самыми близкими и родными, а родителей она воспринимала как часть своей жизни, которую необязательно любить. Да, она испытывала к ним уважение, но мягкости и открытости в их отношениях не было и уже никогда не будет.

– А! – Полина, заметив подъехавшую к входу машину Миронова, с облегчением вздохнула. – Появилась наконец!

Из машины вышла не только Ксения, которая горделиво, словно юная королева, на плечах которой лежит управление огромным государством, направилась к стеклянным дверям. Следом за ней выпорхнула стайка шумных девиц, взятых с собой, видимо, для того, чтобы поднять боевой дух. Так сказать, тяжелая артиллерия, которая не даст свою императрицу в обиду. Компания из пяти человек быстро привлекла внимание посетителей кафе, уж очень нагло и развязно они себя вели: надолго задержались у порога, бесцеремонно осматривались и громко обсуждали присутствующих. После, заметив Полину и ее спутницу, неспешно подошли к столику.

– Привет, – поздоровалась Ксения, спутницы ее молчали, уставившись на мадам Матуа и сидящую рядом с ней аристократичную даму, холодно рассматривающую эту модную компанию.

– Присаживайся, дорогая, – вместо Полины начала разговор дама. – А вас, юные барышни, не смею задерживать.

Одна из девиц эскорта потянула Ксению за руку, но та не отреагировала, заинтересованно вглядываясь в лицо строгой темноволосой дамы.

– До свидания, – сказала Елизавета Карловна и переключила внимание на госпожу Миронову.

Высокая, худая, с острыми коленками, маленькой грудью и хрупкими плечами, Ксения была похожа на подростка, который надел на себя одежду матери и без спроса воспользовался ее косметикой. Длинные черные волосы подчеркивали юношескую свежесть лица, но выражение глаз было острым, словно девушка уже давно вступила во взрослую жизнь.

– Ксю, – недовольно процедила кареглазая красотка, такая же наглая и высокомерная, как и ее предводительница.

– Идите. После увидимся, – Ксения проследила взглядом, как девушки покинули кафе, и повернулась к дамам. – Я в восхищении. Ты так здорово отшила моих подружечек! Возьму на вооружение. Значит, теперь ты будешь чистить мне мозг?

– Начнем с твоей речи, – спокойно отреагировала на хамство Елизавета Карловна. – Пожалуйста, обращай ко мне на «вы».

– И ты... – Ксения нахально дернулась, но мгновенно опустила голову, заметив иронию в глазах этой приятной сероглазой дамы. – Хорошо. Рада видеть тебя, – тихо проговори-

ла она, повернувшись к Полине.

– Взаимно, – Полина с интересом наблюдала за девушкой, неожиданно потерявшей самообладание перед величавостью Елизаветы Карловны. – Предлагаю выпить за знакомства.

– Шампанское? – встрепелась Ксения.

– Насколько мне известно, – сказала Елизавета Карловна, протянув девушке меню, – тебе лишь шестнадцать. Поэтому забудь об алкоголе. Можешь выбрать молочный коктейль или любой другой сладкий напиток.

– Латте макиато.

– Заказывай, – разрешила Елизавета Карловна и подозвала официанта, а после внимательно посмотрела на притихшую девушку, которая старательно отводила глаза, не желая смотреть на смущавшую ее старуху. – Не нужно бояться меня, дорогая, – сказала она, взяв Ксению за подбородок. – Я не враг. Более того, я хочу стать тебе другом.

Ксения отодвинулась и насупилась.

– У меня уже есть друзья.

– Те особы с ужасными манерами? Ты уверена, что они друзья?

– Много на себя берете! – воскликнула Ксения и поднялась. – Скажу отцу, что вы мне не подходите.

– Сядь на место, – мягким голосом приказала Елизавета Карловна и с улыбкой посмотрела на дочь, которая с полуоткрытым ртом наблюдала за этой пикировкой.

Такой важной и одновременно женственной Полина еще

не видела свою мать и была приятно поражена. Ксения не посмела послушаться, осторожно присела и вдруг улыбнулась, словно приняла правила игры, выдвинутые ее новым учителем.

– Думаю, пришло время оставить нас наедине, – Елизавета Карловна поцеловала Полину в щеку. – Позвони, когда будешь свободна, и мы обязательно встретимся.

– Конечно, мама. Желаю вам обоим хорошего дня.

Выйдя из кафе, Полина глубоко вздохнула и направилась к своей машине, на ходу набрав номер Зины Михайловой.

– Отвезешь меня в аэропорт?

– Конечно, – согласилась Зина. – Ты уже собрала вещи или тебе помочь?

– Все готово. Я сейчас еду к себе, заберем чемоданы и – adios!

– Через час буду.

В ожидании Зины Полина налила бокал вина и присела на диван в гостиной, задумавшись о предстоящем. Ей не хотелось покидать Москву, но изменить планы она не могла. Впереди Полину ожидали долгие шестьдесят дней, в течение которых она должна придумать, как получить кольцо. Придется напрячь фантазию и многое другое, чтобы угодить Воскресову, иначе он будет зол. Новый заказ очень волновал, кроме того, Полина ощущала тягость в душе из-за ночи, проведенной с Литвиным. Она думала о нем, это сбивало с отлаженного ритма работы, так как мысли то и дело возвраща-

лись к его непонятному исчезновению и последующему молчанию. Уже два дня Литвин не давал о себе знать, что заставляло нервничать, а также корить себя. Полина начала сомневаться в правильности произошедшего в Питере, отчаянно ругала себя за то, что поддалась эмоциям и подпустила Литвина к себе ближе, чем нужно.

В дверь позвонили. Она поставила пустой бокал на стол и со вздохом поднялась.

– Это я! – послышался голос Зины. – Открывай скорее, а то мой пузырь лопнет!

Не глядя на Полину, она проскользнула внутрь, едва открылась дверь, и побежала в туалет.

– У-у, – протянула она и выглянула в коридор, застегивая на ходу «молнию» на брюках, – едва довезла! – и бросилась обнимать подругу.

– Руки вымой, чистюля, – сморщилась Полина и рассмеялась, когда Зина заявила, что все сделала аккуратно. – Что-то ты слишком весела. Радуешься моему отъезду и тому, что возглавишь сектор?

– Власть – это всегда приятно, – ответила Зина, пройдя в гостиную. – А настроение у меня действительно хорошее. В отличие от тебя, – добавила она, посмотрев на пустой бокал. – Так и не объявился?

– Нет, – Полина потянулась к бутылке, стоящей на столике, и сделала глоток из горлышка. – Я ему два раза набирала, но он не поднял трубку и не перезвонил. Может, с Ниной

что-то случилось?

– С Ниной все в порядке, – ответила Зина и смущенно улыбнулась.

– Откуда такая информация?

– Я... – замялась Зина. – Похоже, я влюбилась.

– В Литвина? – с издевкой спросила Полина.

– В Бублика.

– В кого?

– В Сушича, – Зина нервно сглотнула. – Друга Литвина.

– А-а, – протянула Полина и задорно рассмеялась. – Сафет Сушич теперь, значит, Бублик?

– Да. Он маленький, круглый и твердый. И фамилия у него подходящая для такого прозвища. Так что если бы что-то случилось с Ниной, Сафет сказал бы при встрече. С девочкой все в порядке. Просто Литвин в очередной раз поссорился с женой...

– Меня меньше всего волнует, что происходит в его личной жизни, – Полина подошла к Зине и обняла ее за плечи. – Тебе нравится Бублик?

– Больше, – Зина прижала подругу к себе. – Мне с ним хорошо и весело. Понимаю, что мы крайне неподходящая пара...

– Плевать! – с жаром произнесла Полина, чем удивила Зину. – Мнение окружающих не имеет значение. Главное, чтобы ты была уверена в том, что делаешь. Если он тебе нужен – вперед!

– Есть один минус, – хихикнула Зина. – Чтобы поцеловать его, мне приходится склонять голову или он должен подняться на носочки.

– Сафет, конечно же, не принц, – смеясь, поцокала языком Полина. – Но принцев, как известно, уже давно на всех не хватает. Удачи тебе, моя хорошая.

– Не хочу, чтобы ты уезжала.

– Тебя снова посетили дикие предчувствия?

– Они, между прочим, никогда не обманывают, – заметила Зина. – На этот раз никаких предчувствий нет, просто мне не хочется расставаться с тобой, в особенности когда ты пребываешь в дурном настроении.

– Настроение легко изменить. Стоит лишь приложить усилия.

– Тогда улыбнись, – попросила Зина и удовлетворенно кивнула, когда Полина выполнила ее просьбу. – Теперь лучше. Ну, где твой багаж? – Она обернулась и посмотрела на чемоданы, стоящие у двери. – На год собралась уехать?

* * *

В аэропорту Мюнхена Полину встретил сам Марк Вайсберг – управляющий центрального европейского сектора. Это был невысокий мужчина с приятным, слегка полноватым лицом и такой же круглой, похожей на аппетитное кремовое пирожное фигурой. Характер у него тем не менее был

далеко не сахарным. Резкая отрывистая речь, беседа только по существу, полное отсутствие жалости и неумение прощать – таковы были основные черты личности Вайсберга. И все же он умел вести себя как истинный дипломат, когда дело касалось клиентов. Голос его становился плавным, почти медовым, взгляд успокаивал, движения теряли порывистость, становясь мягкими и размеренными. Полина называла Марка кровососом, так как после общения с ним оставалось ощущение, будто он выпил из нее два литра крови. Вот и сейчас Вайсберг нацепил на лицо маску важности, что заставило напрячься не только саму Полину, но и водителя, открывшего перед ней дверцу машины.

– Марк, ты меня утомляешь, – сказала она, удобно устроившись на сиденье. – Сделай вид, что рад моему приезду.

– Но я рад! – Вайсберг лучисто улыбнулся. – Когда выучишь немецкий? Не люблю говорить по-английски.

– Пока нет времени. Мне нужен переводчик. Только не ты. Нам с тобой нельзя долго находиться вместе.

Марк рассмеялся над последней фразой и дал распоряжение водителю, чтобы тот трогался.

– Номер в «Le Meridien Munchen» уже ожидает тебя, – сказал он. – Отдохнешь с дороги, а завтра встретимся.

– Предлагаю другой план. Время еще не позднее, поэтому едем в офис, а... – Полина посмотрела на водителя.

– Отто, – подсказал Вайсберг.

– А Отто отвезет мои вещи в отель. Согласен?

– Что еще мне остается делать? Ты же босс.

– А ты, Марк, не так колюч, каким хочешь казаться, – улыбнулась Полина, пошевелив затекшими за время полета плечами. – Итак, кого ты ко мне приставишь?

– Конни.

– Девушка? Это хорошо, потому что в последнее время у меня аллергия на мужчин.

Вайсберг нахмурился, не зная, как реагировать на эти слова, после, не найдя ничего лучшего, улыбнулся.

– А теперь вкратце расскажи, что ты ждешь от своего визита. Да, адрес баронессы мы нашли. Думали, что она будет обитать в каком-нибудь замке в окружении многочисленной охраны и прислуги, и удивились, когда узнали, что Астрид фон Рихтгофен живет одна в небольшом домике. Правда, район престижный. Хотя бы это указывает на ее аристократичные вкусы.

– Живет одна? В ее-то возрасте? – удивилась Полина.

– Да, – задумчиво протянул Вайсберг, – в восемьдесят сложно быть одному. У баронессы есть помощник или компаньон, так что общением она не обделена. Ты так и не сказала, для чего так экстренно прилетела.

Полина в двух словах описала ситуацию. Тем временем «Mercedes» подъехал к зданию, где находился офис «VIP-life concierge – Deutschland». Марк живо выпрыгнул из машины и подал Полине руку, помогая выйти.

– Merci, – поблагодарила она. – Если предложишь мне ко-

фе, я буду благодарна до конца жизни. Нужно взбодриться.

В кабинете Вайсберга было прохладно, Полина сжалась всем телом и потеряла плечи.

– Отключить кондиционер?

– Пожалуй, – кивнула Полина, присев на уютный диванчик, на который из окна падали солнечные лучи.

– А вот и кофе, – сказал Вайсберг, заметив, что дверь в кабинет открывается. – Вместе с ним твой переводчик. Конни.

Полина повернулась в сторону, куда глядел Вайсберг, и в замешательстве поднялась с места. На пороге, держа в руках поднос с чашками и кофейником, остановился мужчина, вежливо кивнув мадам Матуа и Вайсбергу.

– Добрый вечер, – поздоровался он и направился к столу, опустив на него поднос.

Мягкий голос его теплой волной разошелся по кабинету, заставив Полину улыбнуться. Она долго рассматривала его фигуру, при этом прекрасно осознавала, что ведет себя некорректно. Конни был очень привлекателен, что и сам прекрасно осознавал, поэтому не смущался назойливого взгляда Полины. Высокий, с широкими плечами и массивной грудью, узкобедрый и длинноногий. Прекрасную фигуру его подчеркивали тонкий джемпер и светлые брюки, обтягивающие тугие ягодицы, что навязчиво обращало внимание именно на эту часть тела. Голубые прозрачные глаза, длинные светло-русые волосы, мягкой волной падающие на лоб, тонкий прямой нос и широкий рот. Красивые губы,

от которых невозможно отвести взгляд. «Гомик, – сделала вывод Полина. – Слишком уж хорош собой. И гетеросексуалы не так ухожены».

Конни также разглядывал Полину, но любопытство его было умело прикрыто вежливостью, отражающейся в «дежурной» улыбке. Стройная, властная, с королевской осанкой. Живой взгляд, несколько надменный, но для дамы ее уровня вполне уместный, строгие контуры лица, хороший макияж и элегантная одежда. В считанные секунды он понял, что любимый цвет Полины – синий, так как он очень подходил к серебру, светящемуся в ее глазах, что она не курит, так как цвет лица был свежим, а кожа упругой, не в пример курильщикам. Также он догадался, что с ней придется несладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.